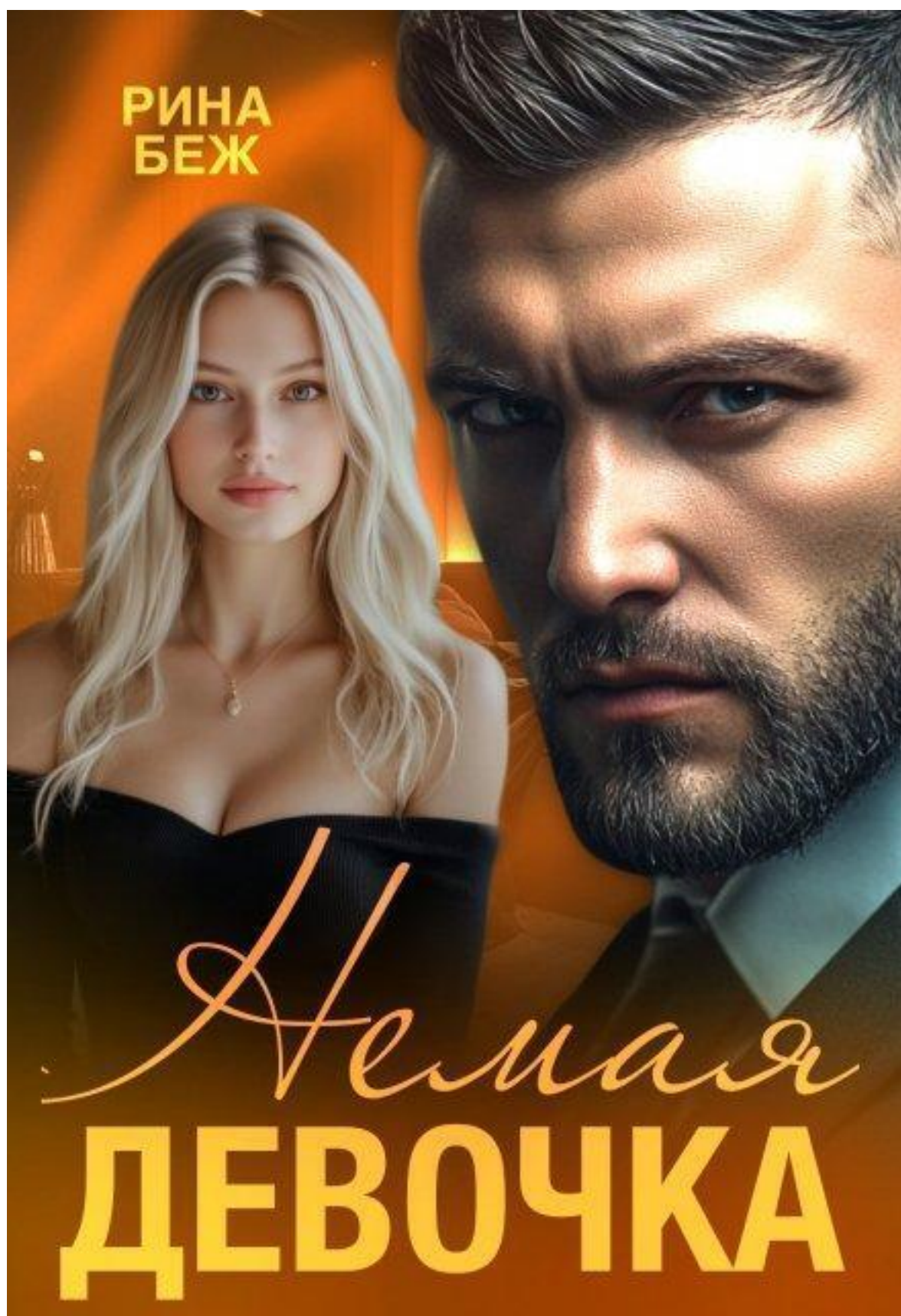

РИНА
БЕЖ

Немая
ДЕВОЧКА

Рина Беж

Немая девочка

«Литнет»

2024

Беж Р.

Немая девочка / Р. Беж — «Литнет», 2024

Двоюродная сестра безжалостно меня подставила. Отправила в руки человека, доведенного до предела, а затем лишь посмеялась: «Подумаешь, девственности лишилась. Не такая уж большая потеря. Зато теперь, когда ты беременная, мы его на колени поставим ...» ✓# Он - властный и безжалостный. Она - нежная и ранимая. ✓#Важно! Книга содержит нецензурную лексику, откровенные постельные сцены. ✓#Строго 18+ ✓#ОДНОТОМНИК ✓#Хэппи энд гарантирован ♥#История Юли и Стаса «Его сильная слабая женщина»

© Беж Р., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	26
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	37
Глава 14	40
Глава 15	43
Глава 16	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1

Она потеряла голос, став свидетелем гибели родных.

Он потерял беременную сестру, ставшую жертвой жадных до чужих денег конкурентов.

А затем их столкнули намеренно, чтобы разыграть очередную подлую карту.

“НЕМАЯ ДЕВОЧКА”

сложные отношения

#от ненависти до любви

#принуждение

Двоюродная сестра безжалостно меня подставила. Отправила в руки человека, доведенного до предела, а затем лишь посмеялась: "Подумаешь, девственности лишилась. Не такая уж большая потеря. Зато теперь, когда ты беременная, мы его точно на колени поставим ..."

КАТЯ

– Ну что, Кристи, добегалась?

Низкий, наполненный властными нотками голос инородным телом врывается в сознание, заставляя вздрогнуть и поежиться. Становится зябко, словно в еще мгновение назад довольно теплом помещении вдруг резко падает температура.

Что за глупость?

Крутанувшись на сто восемьдесят градусов, замечаю на пороге незнакомца.

Высокий, широкоплечий, внушительный мужчина с бронзовой кожей и легкой сединой в волосах. Последняя выглядит странно, по возрасту ему лет тридцать – тридцать пять, не больше, вроде как рано. Черты лица суровые – четко очерченные широкие скулы, между бровей и в уголках глаз выраженные мимические морщины. Черные пронзительные глаза без слов сообщают о статусе, высокомерии и равнодушии. Взгляд тяжелый и цепкий. Дорогой костюм, идеально выглаженная рубашка, на плечи накинуто черное пальто, в руках кожаные перчатки. Их он небрежно кидает на комод, мимо которого проходит медленно по-хозяйски ступая в гостиную.

Сглатываю пересохшим горлом, приоткрываю губы.

Зачем – и сама не знаю. Говорить я по-прежнему не могу.

Но мне очень неуютно, чужая аура давит. Незнакомец поглядывает на меня не просто свысока, а пренебрежительно. Как на мерзкую букашку, которая ему неприятна, которую он сию минуту желает раздавить.

Не понимаю, что происходит, почему он меня... ненавидит?... и совсем теряюсь, слыша:

– Пришло время возвращать должок.

От страшных слов, от напряжения, оседающего в помещении, парализует и сводит шею. Я элементарно не могу мотнуть головой, чтобы показать ему, что он ошибается в своих речах.

Долгов перед ним у меня нет и быть не может.

Никаких.

Это абсолютно точно.

Ведь я его даже не знаю.

Первый раз в жизни вижу.

Но, главное, я не Кристи.

По мере его неторопливого приближения немного отмираю и тоже начинаю двигаться.

Отступать.

Не глядя.

Спиной.

Жаль, недолго.

На втором же шажке попадаю в ловушку – цепляюсь пяткой за ножку стула, не до конца задвинутого под стол, и чуть не падаю. Хватаюсь за спинку «предателя», выравниваюсь.

Это слегка меня задерживает и сокращает наше расстояние с пугающим мужчиной, но по тому, как уверенно и хищно он наблюдает, четко осознаю, что все мои попытки отдалиться – ерунда.

Он полностью контролирует ситуацию. И даже если я как-то его обману и босиком рвану в зимнюю стужу на улицу, успеет перехватить.

Не отпустит в любом случае.

Боже, как же страшно ощущать себя запертой в ловушке. И аромат тяжелого мужского парфюма, заполняющий гостиную гостевого домика, где я оказалась, можно сказать, случайно, и заодно мои легкие, лишь усугубляет ситуацию.

– Что, язык прикусила? Или смелая огрызаться и творить дичь ты только по телефону и на видео?

Новые колкие фразы хлещут по лицу словно пощечины. Он смотрит с таким пренебрежением и гневом, что ни в чем перед ним невиноватая я иррационально испытываю стыд.

Пересиливая слабость, все-таки мотаю головой.

«Нет», – шепчу беззвучно немеющими губами.

Даже руки поднимаю на уровень груди, жестом прося его остановиться, не нападать больше.

Не слышит, не реагирует. Зато скидывает пальто и медленно расстёгивает пуговицу на пиджаке.

Мамочка...

В голове проскакивает мысль, что нужно всего лишь достать телефон, напечатать ему ответы, и всё разрешится.

Всё встанет на свои места.

И, быть может, он даже извинится.

– Испугалась, дрянь? – ухмыляется.

Каждая новая фраза пугает больше предыдущей.

Меня уже не просто знобит, потряхивает.

– Вот и правильно, Кристи, бойся! Бойся, как боялась она!

О чем он?

О ком?

Не успеваю обдумать эту мысль, как незнакомец делает резкий выпад, хватая меня за руку и рывком отправляет на диван.

Дезориентированная, лечу по инерции вперед. Ничего не понимая, барахтаюсь, а в следующий миг тишину комнаты нарушает треск моей одежды.

Глава 2

КАТЯ Господи, только не это.

Осознание, что он делает, заставляет задохнуться.

Нет.

Нет!

Нет!!!

Масштабы надвигающейся катастрофы мобилизует все силы, что во мне есть. Принимаюсь царапаться, толкаться, выворачиваться.

Я не хочу подобного первого раза.

Не хочу насилия.

Не хочу боли.

Не хочу.

Не хочу!

Не хочу!!!

Не с первой попытки, но все же мне удастся развернуться к нему лицом и до упора вжаться в диванные подушки.

Что делать дальше – плана как такового в голове нет. Есть лишь надежда на мужское здравомыслие. Что он даст мне малюсенький шанс все объяснить ему жестами, что считает их правильно и поймет, насколько ошибся.

Я не та, кого он обвиняет в жутких вещах.

Совсем не та.

Дышу, как загнанная лошадь. Поднимаю руки. Пальцы болят из-за того, что пришлось воевать и царапаться, а еще жутко дрожат.

«Это ошибка»

«Я не Кристина»

«Пожалуйста, давайте поговорим»

«Не обижайте меня»

Без толку. Глядит четко в глаза, остальное игнорирует.

Замираю. Руки опускаются сами собой.

Около минуты мы смотрим друг другу в глаза. Сглатываю, когда читаю в его черном взгляде что-то очень мощное. Хищное, звериное. Незнакомец наклоняется ко мне, глубоко втягивает запах моих волос...

Отшатнуться бы, да некуда.

– Не нравится? – медленно цедит слова, считывая реакцию. Говорит тихо, но так проникновенно, что у меня волосы на затылке дыбом становятся. – Моей беременной сестре тоже не нравилось, когда твой дружок ее насиловал. Зато тебе, дряни, было весело. Ты смеялась за кадром, снимая тот беспредел. Из-за вас, мразей, она потеряла ребенка, а через несколько часов скончалась в больнице от большой кровопотери.

У меня слезятся глаза, до того широко их распахиваю.

По спине скатывается первая капля пота. За ней еще одна. Хочется поежиться, но я лишний вдох сделать боюсь. Как и моргнуть.

Вещи, про которые рассказывает нависающий надо мной незнакомец, бесчеловечные, омерзительные, вгоняют в ужас и наполняют обреченностью.

Имей возможность говорить, кажется, я и тогда бы не смогла выдавить из себя ни звука.

– Могу пообещать тебе только две вещи, Царева. В отличие от вас, уродов, я не буду снимать на видео твою расплату, но... – от громкой паузы мне становится очень плохо, – ты надолго запомнишь эту нашу встречу.

Мужчина больше ничего не произносит, а я тону в непроглядной бездне его глаз, где нет ничего теплого и живого.

Только лютая ненависть.

Только приговор, не подлежащий обжалованию.

Только жгучая жажда мести.

А потом все происходит резко, быстро и грубо.

Безмолвно вскрикиваю, а по факту лишь хватаю раскрытым ртом воздух, когда он неожиданно сильно хватает за плечо, дергает меня вперед и в сторону и разворачивает к себе спиной, давит сильной ладонью на лопатки и вжимает лицом в подушку.

Соппротивляюсь, скорее, на рефлексх. Машу руками, в попытке его зацепить, оттолкнуть, но не добиваюсь успеха.

– Не дергайся! – рычит мне в ухо, сильнее сжимая ладонь на шее. Не душа, но одним лишь жестом предупреждая, что он может это сделать.

Легко.

Без шуток.

Верю. Не тот за моей спиной человек, кто будет довольствоваться лишь угрозами.

И он не угрожает. А действует.

Задирает мое вязанное платье-лапшу, дергает за резинку плотных зимних колготок. Мужская рука властно опускается на ягодицы и с силой их сжимает. До чувствительной боли, до синяков, которые завтра я непременно буду разглядывать, если переживу этот вечер.

Всхлипываю от треска рвущейся ткани и кусаю губы до крови, когда слышу, как звенит пряжка его ремня. Краем глаза замечаю, как рядом с ногой на диван приземляется упаковка от презерватива.

Незнакомец проталкивает мне в рот пару пальцев.

– Оближи, если не хочешь, чтоб порвал! – задыхаясь, рычит на ухо.

Команда доходит с трудом, но я послушно ее выполняю. В голове бьется лишь одна мысль – любое мое сопротивление приведёт к еще большей агрессии.

А я ее не хочу. Я ее боюсь. Я мечтаю выжить. И не остаться при этом калекой или...

Мысли сбиваются, потому что он вынимает мокрые пальцы из моего рта, отодвигает трусики, увлажняет меня моей же слюной.

«А-а-а-а!»

Мысленно я дико ору, а по факту жалобно скулю, зажмуриваясь и давясь слезами, когда он входит в меня грубым, резким толчком. Глубоко, без прелюдий и игр.

Задыхаюсь, дергаюсь, пытаюсь соскочить и вывернуться.

– Замри и привыкай, – грозно рычит, вжимаясь грудью в мою спину, и сам, на удивление, некоторое время не двигается, пусть и остается глубоко во мне.

Но уже скоро все меняется.

Рывок – рвет горловину платья, отчего то трещит и расходится. Сильные ладони сдвигают чашечки бюстгальтера, сминают грудь, щиплют соски. Он начинает двигаться, вжимая меня в диван.

Грубо трахает, набирая темп, вколачиваясь в меня и хрипло дыша.

Мне неприятно. Мне больно. Очень больно.

Я не кричу, а мычу на одной ноте, кусая губы и глотая всхлипы. В какой-то момент ком в горле становится таким огромным, что кажется, задохнусь. Воздуха не хватает, из-за слез картинка смазывается и плывет. В ушах гул, тело ватное, а ниже живота будто всё горит.

Незнакомец продолжает вколачиваться в меня, а я так срастаюсь с неприятными ощущениями, что просто тону в них и жду финала.

Толчок. Толчок. Толчок. Мой судорожный вдох-всхлип, и он останавливается, содрагаясь, тоже хватая воздух.

Все!

Все.

Все...

Не двигаюсь, пытаюсь отдышаться. Смаргиваю еще одну слезинку и невидящим взглядом упираюсь в окно, где властвует черная-черная беззвездная зимняя ночь.

Такая же темная и холодная, как теперь у меня в душе.

Мужчина, наконец, шевелится и покидает мое тело. Низ живота прошивает еще одной искрой боли, но от нее отвлекает мат, раздавшийся за спиной.

– У тебя что, месячные?

Доносится сквозь гул, нарастающий в ушах.

Отвечать... не планирую. Да и не могу.

А в следующее мгновение это и не требуется. Телефон незнакомца звонит.

Краем глаза цепляю, как он достает гаджет из кармана пиджака. Смотрит на имя абонента, потом вскидывает взгляд на меня. Хмурится.

И всё же принимает вызов.

– Привет, Дорохов! Как тебе мой подарок? Оценил «девочку»? И чистенькая. И рот по жизни на замке. Надеюсь, теперь мы в расчете? Моя сестра в обмен за твою. Всё по-честному.

Закрываю глаза, утыкаюсь головой в подушку и тихо плачу. Жалею саму себя. Дурочку, поверившую, как думала, близкому человеку, двоюродной сестре. Да, я узнала голос Кристины, громко у господина-мстителя Дорохова выставлен звук. А она, сестра, меня предала.

Приход мужчины был не случаен. Встреча подстроена. Как и мое здесь нахождение. Как и ожидаемо то, что случилось дальше.

Царева все грамотно спланировала. Прикрыла свой должок безмозглой родственницей. Мной.

А я, наивная идиотка, еще радовалась, что сестра повзрослела и, наконец, захотела со мной общаться.

ДОРОГИЕ МОИ!

Приветствую вас в новинке. Очень нужна ваша поддержка! Добавляйте книгу в библиотеку! Лайки приветствуются, комментарии тоже!

Глава 3

КАТЯ – Ты кто такая?

От вопроса, который задает мужчина, хочется истерически рассмеяться. А не с него ли стоило начинать наше знакомство?

Но на смех нет никаких сил. Нападает странное отупение. И это притом, что нервы измочалены в лохмотья, тело ломит, а еще мне очень и очень холодно.

Успеваю только приподнять голову с подушки, как сотовый вновь оживает. Короткий звуковой сигнал сообщает о входящем сообщении.

Перестав прожигать меня взглядом, Дорохов переключается на телефон, нажимает на кнопки и активирует экран. Не меньше десятка секунд вглядывается во что-то, после чего сжимает гаджет с такой силой, что раздается хруст, а сам мужчина заковыристо матерится.

От громких грубых звуков непроизвольно вздрагиваю и сильнее вжимаюсь в кожаную обивку мебели.

Этим и привлекаю внимание.

– Извини.

Наверное, это он произносит слово искренне, но один-единственный шаг в мою сторону смазывает благоприятное впечатление.

Поддаваясь инстинктам, кричащим, что хищник вновь готовится напасть, желает продолжить надо мной глумиться, вся сжимаюсь и, как ошпаренная, шарахаюсь назад. Забиваюсь в угол дивана, подтягиваю колени к груди.

И тут же охаю.

Низ живота прошивает режущей болью. Промежность вспыхивает огнем. А по бедрам как будто что-то течет.

Прежде чем осмысливаю последствия, опускаю ладонь вниз и касаюсь себя. Действительно мокро. И липко. И, кажется, очень неправильно.

Убеждаться страшно, но я все же вытаскиваю руку из-под подола. И с силой прикусываю губу, чтобы не заскулить вновь.

Она вся в крови.

Мамочки.

– Бля! – вновь ругается Дорохов, непонятно как оказываясь совсем рядом. Бесцеремонно наклоняется, вгоняя в ступор, и разводит мне ноги. Смотрит туда.

Нервная система не справляется. От переизбытка негативных эмоций начинает мелко трясти, перед глазами все плывет, голова кружится.

Зажмуриваюсь и, игнорируя человека, причинившего сильнейшую боль, скручиваюсь и опускаюсь на диван. Наивно надеюсь, что хоть так, а позе эмбриона, мир обретет четкие очертания и перестанет кружиться. А еще, что Дорохов волшебным образом исчезнет.

Ну раз уж ему сказали, что я – это я, а не Царева Кристина, то пусть просто уходит. Пусть оставит в покое. Пусть...

– Сейчас в больницу поедem, – раздается низкий уверенный голос.

А мне уже все равно. До того плохо.

И тошнота. Такая сильная, что едва успеваю свеситься с дивана, как меня чистит. И снова трясет. Последнее, что остается в памяти, прежде чем атакует темнота, сильнейшим озноб.

Потом забытье.

ЗАХАР

Сука!

Смотрю на девочку, всего выворачивает. От злобы. От ненависти.

Но больше от непонимания.

Кто такая?

Откуда взялась?

С какого хрена она полная копия Царевой?

А то, что у меня не глюк, доказывает фотография, присланная только что дрянью Кристиной. На ней две блондинки, похожие друг на друга, как две капли воды. И разница между ними лишь в цвете глаз. У настоящей стервы они грязно-серые, а у той, кого я безжалостно терзал меньше часа назад, небесно-голубые.

Сука!

Едва сдерживаюсь, чтобы не садануть по чему-нибудь крепкому кулаком. Чтоб стесать костяшки. Чтоб хоть немного выпустить гнев, который так и не реализовался, а продолжает клокотать внутри. Правда, по другому поводу.

А ведь я смотрел в ее глаза, перед тем как сделал шаг невозврата. Смотрел долго, пристально. Все пытался понять, что меня в ней царапает. Что не дает покоя.

Отмахнулся.

Не докрутил мысль.

Сосредоточился на другом. На том, что тварь попалась. Что еще чуть-чуть, и она на собственной шкуре прочувствует часть того, что они сотворили с моей сестрой. С моим единственным родным человечком в этом чертовом полностью прогнившем мире.

По итогу, выходит, облажался.

Захар-Захар, стареешь...

Сжав кулаки до хруста, бросаю на неподвижное хрупкое тело еще один взгляд и ухожу в ванную. Надо быстро привести себя в порядок.

Смываю кровь, поправляю одежду, выбрасываю презерватив в урну и только тогда обращаю внимание, что тот порван.

Да что за...

Мат сдержат не получается. Зато круг проблем моментально разрастается. Залететь с первой попытки удастся единицам, но... закон подлости живуч и могуч. Исключать его – дело глупое и недальновидное.

Ладно, разберемся по ходу.

Схватив чистое полотенце, возвращаюсь в гостиную и сую девчонке между ног. Набираю охране.

– Машину ко входу подгоните, – распоряжаюсь отрывисто. – И пришлите кого-то здесь всё убрать.

Ответа не дожидаясь, скидываю вызов. Знаю, что приказ выполняют четко.

Еще раз смотрю на блондинку. Одевать не вариант. Стаскиваю с кресла плед и просто ее заворачиваю.

Прихватываю сумку, валяющуюся на тумбе в прихожей, и поднимаю совсем нетяжелую ношу на руки. Выношу из комнаты.

Входную дверь открываю пинком и, пока иду к машине, нерадостно усмехаюсь. Сегодняшнюю ночь я представлял себе иначе.

Глава 4

ЗАХАР

... – Я боюсь, Захар. Этот Царев... он страшный человек. И глаза у него безжалостные.

– Злат, ну ты чего, сестренка? Я же всегда рядом и никому не позволю тебя обидеть.

– А если он обидит тебя? Я не переживу. Братишка, родненький, у меня кроме тебя никого нет. Пожалуйста, будь очень-очень осторожен.

– Приложу все силы, мелкая, – натягиваю улыбку, стараясь её подбодрить. – А ты в ответ пообещай не нервничать. Нам же малыши здоровый нужен. Жду не дождусь, когда смогу племянника или племянницу потискать.

Стираю дорожки слез со впалых щек младшей сестры и прижимаю к себе хрупкое тело. Обнимаю, поглаживаю по спине. Всячески стараюсь успокоить.

Златке нельзя волноваться. Первый триместр беременности. Гинеколог категорически настаивала беречься и допускать в жизнь исключительно позитив...

Воспоминания кислотой жгут нутро.

Кто ж знал, что спустя всего двадцать часов, возвращаясь из столицы домой, моя машина чудом избежит столкновения с фурой и слетит в кювет. Машине охраны, двигающейся следом, так не повезет. Погибнут двое парней.

А пока я буду разбираться с последствиями ЧП, мою сестренку похитят прямо из стен ее родной альма-матер. Отпросившись выйти в туалет, в аудиторию она так и не вернется. Подружка поднимет тревогу не сразу, а лишь после окончания пары, когда Злата не ответит на звонки. К тому времени мой единственный родной человек будет уже очень далеко и надежно спрятан.

Тогда же наступит мой личный апокалипсис.

Царев скроется со всех радаров, а я стану рыть носом землю.

Часы, дни, ночи.

Сутки напролет. Потом вторые, третьи, пятые.

Так минует неделя безумных поисков. Начнется новая.

И ничего.

Царев выйдет на связь на десятый день, и я без раздумий соглашусь на все его условия. Подпишу документы на передачу прав собственности на земельные участки вдоль Оки. Десятки гектаров бесценного ресурса, оставшегося в наследство от отца. Ресурса, который в моих глазах в момент обесценится. Всё потому, что на другой чаше весов окажется моя беременная восемнадцатилетняя сестренка.

А потом будет то видео, снятое внучкой Царева...

Потеря Златой ребенка...

Реанимация...

Достаю из кармана пальто пачку сигарет, выбиваю одну, прикуриваю.

Глубокая затяжка. Едкий дым обжигает гортань, наполняет легкие. Горечь оседает во рту. Но нет никакой уверенности, что это из-за пагубной привычки.

От воспоминаний – да.

От совершенной этим вечером ошибки – да.

От понимания, что моя месть, которой я так жаждал, не принесла удовлетворения, да и, в принципе, не случилась – тоже да.

Запрокидываю голову и смотрю в темное беззвездное небо. Оно к ночи тяжелое. Давит. Погода портится. На завтра обещают метель и похолодание. Чувствуется.

– Захар, держи, – Стас Нилов, начальник службы безопасности и надежный друг, сбегает с крыльца и протягивает мне пластиковый стакан. – Американско, несладкий, как ты любишь.

Забираю, кивком благодарю. Делаю последнюю затяжку и щелчком отправляю окурок в урну. Отпиваю.

Никотиновая горечь сменяется кофеиновой.

– Как там? Очнулась?

Поворачиваюсь в сторону дома, смотрю на окна второго этажа, где горит свет. Туда полчаса назад я лично занес девчонку. Определил в гостевую комнату напротив своей и оставил на попечении Леры, нашего семейного, так сказать, врача из частной клиники, которой могу доверять, и Юли, помощницы по хозяйству.

– Очнулась, но ненадолго. Худо ей стало. Так Валерия укол обезбола напололам с успокоительным поставила. Сейчас осматривает.

Другого ответа, в принципе, не жду.

Киваю.

– Ясно.

– Ты сам как? – хмурится Стас.

– Нормально.

Вру. Вот и Нилов не верит. Он меня как облущенного знает.

Впрочем, я его тоже.

Потому легко считываю по насупленному виду, что сейчас стоит и себя винит. Проморгал ситуацию с Царевой. Провела нас девка.

Лихо провела.

Но тут Стас не прав. Зря на себя гонит. Я сам не захотел ждать, когда он освободится. Рванул в ночь в загородный комплекс, жаждая мести, которая откладывалась целых два года.

Так что в случившемся моя промашка. Не его.

Он по делам отсутствовал. Встречался с важным человечком из органов. Последний обещал помочь в поимке Кирилла Ляхова, правой руки и преемника Царева, и того, кто надругался над моей сестрой. Урода, до кого до сих пор не дотянулись мои руки.

Тогда, два года назад, когда я сидел под дверями реанимации, рвал на голове волосы и вспоминал молитвы, которых от роду не знал, твари, провернувшие похищение и надругательство над девчонкой, едва перешагнувшей порог совершеннолетия, сбежали за границу.

Сам Царев, его внучка и Ляхов.

Они сменили три страны и осели в четвертой. В Россию с тех пор ни разу не совались. Ни на денёк. Жопой чувствуя, что я жду их этого опрометчивого шага и готов.

Но несколько дней назад все же рискнули.

И я знаю, почему.

Сам вынудил.

Точнее, нужные хорошие люди помогли. Сумели найти хитрую зацепку в документах на землю, которую я отписал Цареву. А чуть позже создали крупные неприятности, грозящие новому владельцу потерей собственности, если он в короткий срок не явится лично и не урегулирует вопрос.

Глава 5

ЗАХАР

– Через пятнадцать минут жду в кабинете и все вещи девчонки из машины захвати, – бросаю Стасу и быстрыми шагами устремляюсь в дом. По пути отправляю опустевший стаканчик из-под кофе в мусорку.

Когда заглотил? Сам не заметил.

Внутри по-прежнему кипит. Еще бы.

Вместо решения проблем, я себе их лишь приумножил. Ублюдки Царевы лихо торкнули меня носом в очередное дерьмо. И пусть пока не до конца ясно – в какое именно, хреновое предчувствие шумно дышит в затылок.

Да и вопросы множатся.

Кто эта девица? Великолепная актриса или слепая жертва обстоятельств?

В чем ее роль? Втереться в доверие и помочь моим врагам меня наконец-то уничтожить? Или уничтожить, потому что я её... изнасиловал?

Бл..ть!

От самого слова выворачивает наизнанку. Слишком крепко оно ассоциируется с сестрой и тем, что с ней сотворили. А теперь и сам я, выходит, стал мразью?

В голове раздраз.

Да? Нет?

Только когда считал белобрысую девчонку Царевой таких метаний не было. Я шел мстить и четко понимал, что это сделаю. Ненависть, копившаяся годы, стала черным мраком от многолетней выдержки. Мраком, который вырвался наружу, как только подвернулся случай.

Даже и сейчас не факт, что отступил бы, будь на сто процентов уверен, что передо мной Кристина. Прощать тварей – не мой удел. И бить в ответ на боль я привык равнозначно. Баба, мужик – какая к черту разница?

Теперь же, узнав о подмене, топчусь на перепутье.

Если Катя Ионова, как записано в паспорте, который нашел в ее сумке, пока ехали домой, – добровольная помощница Кристины – это одно. Если, как и я, умышленная кукла в руках умелых кукловодов – другое.

Предстоит только разбираться.

На второй этаж поднимаюсь, перешагивая через ступеньку. По пути никого не встречаю. Всё правильно. Лера еще с пациенткой. Юля шуршит на кухне, слышал, когда пересекал холл.

В своей комнате иду напрямик в ванную. Умываюсь ледяной водой, голову под кран опускаю, – мало. Все равно нервяк не отпускает.

Где еще вчера спокойный, как удав, Захар? Где он, мля?

А нету!

Кипит.

Рывками срываю одежду, бросаю в ящик для грязного белья. Захожу в душ. Холодную воду врубаю на максимум. Запрокидываю голову, жду. Жду, пока мышцы не начинает сводить, а конечности не немеют.

После этого меняю на горячую. Контрастом, чтобы выбить лишнее. И под конец делаю прохладную, комфортную и привычную.

Упираюсь сжатыми до скрипа кулаками в стену, выдыхаю рвано, жадно, со свистом, и просто закрываю глаза.

Пять минут покоя, чтобы пелена мрака отступила, злоба пусть не прошла, но не разрослась сильнее, чтобы голова стала ясной, готовой принимать взвешенные решения.

Из душа выхожу не обновленным, но и не тем психом, которым ощущал себя раньше. Скинув влажное полотенце с тела, достаю из шкафа домашние хлопковые брюки, футболку. Натягиваю.

Стук в дверь застает в двух шагах от выхода.

– Открыто, – произношу негромко, но посетитель, точнее, посетительница слышит. Распахивает дверь.

– Захар, надо поговорить, – Лера стоит на пороге комнаты, не спеша делать новый шаг без прямого приглашения. – Где будет удобнее? Здесь или внизу?

– Давай здесь. Заходи.

Киваю в сторону массивного кресла возле окна, сам на минуту ухожу в ванную, забираю с полки часы, надеваю на руку.

– Что с девушкой? – перехожу к сути, возвращаясь.

– У девушки жесткая дефлорация, но это ты и сам, кажется, знаешь, – произносит четко, без наездов, как факт. – Разрывов нет, но есть трещины и воспаление.

Млять!

– Кроме того, похоже на нервный срыв. Но тут я еще не уверена. Надо дообследовать.

Хмурюсь.

– То есть обморок, рвота, головокружение – это всё из-за нервов?

– А что тебя удивляет? Стрессы вызывают самую разнообразную реакцию. Психика у всех разная. Кто-то покрепче. Кто-то – нет.

– И что теперь?

Лера пожимает плечами.

– Хочешь, заберу к себе, дообследую, подлечу. Хочешь, приведу в более-менее адекватное состояние, а дальше она как-нибудь сама.

– Другой вариант, она останется здесь, но лечение ты организуешь полное. Я все расходы оплачу, – мажу по Кобасовой рассерженным взглядом. – К ней можно?

– Спит она...

– Я не об этом спрашивал.

– Да, можно, – поджимает губы, выдавая первую неправильную реакцию, и не совсем уместную. Только бабской ревности мне не хватало, еще и без повода. – Я пока лекарство подготовлю, капельницу ей поставлю.

– Ставь. Гонорар скину на карту. Буду вопросы, звони, – завершаю разговор, игнорируя вопросительные взгляды, не относящиеся к делу, и направляюсь в спальню, расположенную напротив моей.

Приоткрываю дверь. Катя действительно спит, сжавшись и подтянув ноги к животу. Тусклый свет прикроватной лампы лишь подчеркивает бледность кожи и измученный вид.

Разглядываю ее и, пусть совершенно не знаю предыстории, сведшей нас вместе, но уже ощущаю себя последней сволочью.

Моя остросюжетная новинка **"Бракованная наследница"** <https://litnet.com/shrt/M89P>

Заголовок, написанный жирным шрифтом, бьет меня прямо в лицо, будто пощёчина.
 «БРАКОВАННАЯ НАСЛЕДНИЦА»
 Сердце сжимается так сильно, что я на секунду забываю, как дышать.
 Пальцы леденеют.
 Я читаю текст ниже, и каждое слово, как нож, который медленно, но неумолимо проворачивают в ране:
 «Единственная наследница владельца нефтеперерабатывающего комплекса "Кор-Групп", Янина Королёва, отметила своё восемнадцатилетие в загородном клубе "Алмаз-Гранд" с большим размахом и... весьма непристойно.
 Красотка была замечена в компании неизвестного молодого человека – и явно не её жениха – в совершенно невменяемом состоянии и в очень пикантных сце-

нах. Снимки вы можете видеть сами.
 К сожалению, дед Янины, Аристарх Королёв, как и жених, один из наследников “СибНефть”, Мирослав Граховский, от комментариев отказались.
 Интересно, долго ли последний останется в женихах, и что он реально думает по этому поводу?!»

Глава 6

ЗАХАР

– Еще одно, – оборачиваюсь к Лере, – Презерватив порвался. Дай ей какую-нибудь таблетку, чтобы избежать последствий.

Дергает губами, намереваясь что-то сказать, но, напарываясь на мой пристальный взгляд, сдувается и кивает.

– Препарат экстренной контрацепции оставлю Юле вместе с инструкцией. Сейчас девочку будить не стану. Очередной истерики не надо ни ей, ни мне.

Это уж точно. Пусть отдыхает. Хотя, по виду, она и во сне мается.

– А по времени поздно не будет?

Не то чтоб я сильно трясся за последствия – никогда от них не бегал и за свои поступки всегда отвечаю, – но Ионовой этот геморрой в любом случае не сдался.

– Нет. Препарат применяют в первые семьдесят два часа после незащищённого полового акта. Не переживай, успеет она проснуться.

Лера позволяет себе улыбку, на которую я не отвечаю. Поняв это, вновь становится серьезной.

– Не волнуйся, – повторяет еще раз. – Я проконтролирую. Юля сделает, как надо.

Раз так, то ладно. Хоть одна проблема снимется с повестки дня.

– Спасибо, – благодарю и, освободив Кобасовой проход в спальню Кати, устремляюсь по коридору к лестнице.

Бросаю короткий взгляд на часы – по времени Стас уже должен подтянуться. Впереди бессонная ночь и решение кучи вопросов, а с утра сделка с итальянцами, на которой нужно быть как штык и без опозданий.

– Захар.

Негромкий призыв заставляет тормознуть и обернуться.

– Да, Лера?

Стоит, переминается с ноги на ногу.

– Ты... мы... – прочищает горло, убирает прядь темных волос за ухо. Не то, растягивая время и стараясь задержать подольше, не то собираясь с мыслями.

Заставляю себя не вскипать, но бровь приподнимаю. Намекаю, что все еще тут и жду продолжения.

– Мы могли бы с тобой завтра поужинать? Обсудить дела, – кивает на дверь, где спит Ионова, – да и просто поболтать. Я соскучилась...

– Нет, – отсекаю, не раздумывая, – состояние Кати можно обсудить по телефону. А на «просто поболтать», прости, Лер, абсолютно нет времени.

Да и желания, в общем-то, тоже нет. Но об этом умалчиваю. Бабские обидки наблюдать нет ни времени, ни желания.

Фактически стыдиться мне нечего.

Кобасовой отношений я не предлагал, долгоиграющих намеков никогда не делал и ничего не обещал кроме редких встреч. Исключительно по взаимному желанию и на свободной территории.

Правда, пару раз она меня к себе всё же заманивала, обещая ужин не хуже ресторанного и последующий сервис «ultra all inclusive» со всеми вытекающими. И один раз оставалась в этом доме. Но тогда Стас валялся с ранением, и за ним требовалось тщательное наблюдение. Гонять врача туда-обратно смысла не видел.

Все остальное время, последние полгода примерно, мы встречались пару раз в месяц. Обедали в ресторанах, после ехали в гостиницу, а утром или даже той же ночью разъезжались

до следующего созвона. И ни о какой верности, ревности или каких-то ограничениях в других партнерах речи не велось.

– Что ж... может, тогда в другой раз...

Игнорирую слишком явный посыл переиграть все на конкретную дату, как и жаркий призыв во взгляде с поволокой. Поднимаю руку и демонстративно смотрю на часы.

– Извини, Лер, реально спешу. Да и тебе не стоит задерживаться, поздно уже. А впереди дорога домой и длинная рабочая неделя.

Ответа не жду, обиженный вздох пропускаю мимо ушей. Развернувшись, устремляюсь к лестнице. Достигнув, спускаюсь вниз и в холле пересекаюсь с домработницей.

– Захар Тимурович, я воду и холодный чай наверх несу, – отчитывается она, замечая мой взгляд на поднос с графином и прочими мелочами.

Киваю.

– Правильно, Юль, неси. И еще, – указываю на нее пальцем, – тебе Валерия инструкции даст. Сделай все четко. Это важно.

– Хорошо, Захар Тимурович. Всё выполню.

– Давай.

Отворачиваюсь.

– Может, вам со Станиславом Антоновичем чай-кофе подать? Или ужин разогреть? Я быстро успею.

Забота Юли вызывает теплую улыбку, шесть лет у меня служит и каждый раз старается обогреть, помочь, особенно последние два года.

Но от предложения все-таки отказываюсь:

– Спасибо, Юль, но не надо. Ты лучше дождись, пожалуйста, Валерию. Как уйдет, можешь тоже идти отдыхать.

Кивает.

Расходимся.

Стас уже ждет в кабинете. Стоит у окна, заложив руки за спину. Оборачивается, как только я вхожу.

– Может, тебе что покрепче выпить? – намекает на недавний кофе, перехватывая мой хмурый взгляд.

Ухмыляюсь. Идея вполне себе, вот только...

– Нет, обойдусь. Голова нужна светлой.

Соглашается. Отходит к бару, разливает по двум стаканам тоник с лимоном. Один толкает по столу мне, из второго сразу отпивает.

Я же, вытащив телефон из кармана брюк, занимаю любимое кресло и перекидываю Нилову фотографии, присланные Кристиной. Дожидаюсь, когда начальник безопасности откроет сообщение и оценит сходство девиц – Крестину он знает, а Катерину видел лишь на фото в паспорте, и там она совсем не та.

Ловлю момент осознания, интересуюсь:

– Ну как?

В ответ получаю витиеватый трехэтажный мат и закономерный вопрос:

– Что за хрень, Захар?

Пожимаю плечами и, как тост, приподнимаю свой стакан.

– А это, мой друг, тебе и предстоит выяснить.

Изучение документов Ионовой, обсуждение деталей моего не самого лучшего вечера, рассказ Стаса про его встречу с нужным человечком, разработка стратегии при различных вариантах развития событий – всё это и куча других мелочей занимают овер дохрена времени.

Расходимся около четырех. А в семь уже подъем.

До кровати доползаю, не чувствуя ног. Сон срубает моментально.

Глава 7

КАТЯ

Я просыпаюсь от легкого шороха и моментально подрываюсь, принимая сидячее положение. Натягиваю одеяло повыше.

Для человека, давно привыкшего жить одному, вполне понятная реакция на присутствие посторонних поблизости, да еще... в спальне?

Мельком осматриваю незнакомое помещение, с трудом понимая, где нахожусь. Вокруг сумрак, а небольшой ночник возле кровати дает лишь приблизительное представление об окружающей обстановке. Да и не столько она меня волнует, как незнакомка, практически бесшумно устанавливающая поднос на тумбу.

– Ой, разбудила, да? – негромко произносит женщина, улавливая моё движение. – Простите, не хотела.

В голосе звучит сожаление.

Не знаю почему, но как-то сразу им проникаюсь. Хотя после вчерашнего вопрос доверия становится для меня слишком сложной, если вообще посильной задачей.

– Где я? – уточняю главное, стараясь не заикливаться на непривычно хриплым, царапающем сухое горло голосе.

По сравнению с остальным – он сущие мелочи.

Ломота в теле, тянущая боль между ног и в мышцах, о существовании которых никогда не задумывалась, да и общее весьма плачевное состояние, будто после затяжной болезни очнулась, пугают сильнее. Еще и штатив капельницы, примостившийся возле кровати, не добавляет оптимизма.

Раньше думала, выражение «ощущение, будто каток по мне проехал» лишь образное, теперь уверенно сомневаюсь. Не факт, что после катка мне было бы хуже.

– Вы в доме Захара Тимуровича.

Слава богу, мне отвечают. Но в общем-то и сама уже догадываюсь, что не в том месте, где дожидалась встречи с сестрой.

«С сестрой ли?» – насмехается внутренний голос вполне заслуженно.

Кристина – кто угодно, но точно не сестра. После бесчеловечного поступка, ломающего судьбы, после насмешки в голосе, не оставляющей сомнений, что эта стерва сделала всё намеренно, зная итог, она для меня никто.

Змея гремучая – да.

Гадина бессовестная – тоже да.

И еще насильница. Потому что ее поступок перекрывает своей жестокостью даже то, что сотворил со мной...

– Захар Тимурович, – голос похож на карканье, но я старательно проговариваю имя мужчины, сотворившего со мной дичь, – а фамилия?

– Дорохов.

Дорохов, значит.

Нет, я такого не знаю. Имя и все остальное слышу впервые.

Что, впрочем, неудивительно.

В этот город я приехала лишь вчера, хотя по ощущениям как будто сто лет минуло. Дурочка провинциальная, поддалась на слезные просьбы двоюродной сестренки, осаждавшей меня и днем, и вечером больше трех недель и умалявшей увидиться. А ведь до этого шесть лет с ней не контактировали. С тех пор, как умерли мои любимые бабушка и дедушка. И не по моей вине, если подумать. Кристина с детства меня недолюбливала, а в юности терпеть не могла.

Так с какого фига, помня прошлое, я так безоглядно ей поверила теперь? С чего решила, что та изменилась? Как повелась на слезливые заверения, что Кристина повзрослела и поумнела, захотела восстановить родственные связи и дружить?

Эх, Катя, Катя... люди так кардинально не меняются. Наивное ты дитя.

Хотя... теперь уже не наивное. Жестокие уроки закаляют быстро. Влет сбивают с глаз розовые очки и хорошенько приземляют.

– Вот, Екатерина, держите морс. Он кисленький и чуть теплый, как раз самое то, чтобы смягчить горло. Вас вчера ночью врач осматривала. Велела много пить и больше отдыхать.

Женщина, о которой забываю, провалившись в самоуничтожение, подступает ближе к кровати и протягивает мне высокий стакан из матового стекла.

– Меня Юля зовут. Я помощница по хозяйству в доме Захара Тимуровича, – добавляет она раньше, чем успеваю озвучить вопрос.

– Я Катя, – едва дергаю губы в намеке на улыбку.

Уверена, выходит она коряво и блекло, если вообще получается. Но это всё, что на данный момент могу.

Я б и такой не изобразила, не то место, не тот случай, но хорошие манеры даже в экстремально напряженной ситуации остаются со мной. Бабуля приучила, что, как бы сложно и безнадежно не было на душе, никогда нельзя терять человечность и сердце.

– Просто Катя, – добавляю тише, протягивая руку и еще раз осматриваясь.

Случившееся накануне, как волны во время прилива, набегают, набегают и постепенно затопливают осознанием. В голове все прыгает и вертится, вызывая сначала мандраж, затем оцепенение, а вместе с ними абсолютное непонимание ситуации и причин моего нахождения в чужом доме. Разве Дорохов не должен был меня бросить, поняв ошибку? Зачем притащил к себе? Ему мало? Хочет шантажировать? Или еще что-то сделать?

– Договорились, просто Катя, – тепло улыбается Юля, сбивая меня с мысли и тем самым, не ведая, гася зарождающуюся панику.

Она дожидается, когда я заберу стакан, и старательно не замечает ни моей дрожащей руки, едва не расплескивающей напиток, ни стука стекла о зубы, когда неаккуратным рваным жестом подношу его к губам. Зато ловко поправляет мою подушку и протягивает блюдце.

– Тут еще обезболивающие таблетки и...

Легкая заминка в ее голосе не остается без моего внимания.

Отвлекаясь от собственной слабости и вновь смотрю на женщину. Изначально я посчитала, что ей лет тридцать пять – тридцать семь, теперь же вижу, что моложе.

– Что это?

Кошусь на три таблетки разного оттенка и размера.

– Противозачаточные.

Жар в секунду опалает щеки, шею, уши, горячей волной скатывается от затылка вниз по позвоночнику.

Господи, а я об этом даже не подумала.

Бросает в озноб. И снова в жар. Да так, что испарина на лбу и висках выступает, а кожа покрывается липкой пленкой.

– Да, я выпью, – заверяю, хотя меня об этом не спрашивают.

– Катя, вы отдохните еще, – предлагает Юля, странным образом умудряясь удерживать мое внимание. – Или, хотите, свет включу поярче, если спать пока не будете. И легкий ужин принесу. Врач где-то через пару часов подъедет, она уже звонила. Новую капельницу поставит и вас еще раз осмотрит. А Захар Тимурович, если ничего его не задержит, примерно к восьми с работы вернется.

Вернется...

Из всего выделяю главное. Опасного человека поблизости нет.

И еще одно. На дворе не раннее утро, как я наивно полагала, а вечер. И проспала я в доме врага не пару часов, а довольно продолжительное время.

– Я душ приму.

Моя интонация слегка походит на вопросительную, но Юлия без возражений кивает.

– Конечно. В ванной комнате есть всё необходимое. Полотенца я еще вчера принесла чистые, на полочке новые банные принадлежности и зубная щетка. На вешалке халат. Тоже новый. Если из одежды понадобится что-то дополнительно, вы мне только скажите.

Из одежды...

Сглотнув, усилием воли сдерживаю желание заглянуть под одеяло и понять, что же на мне осталось. И что из всего целое.

Но вместо этого сижу ровно и отвечаю на предложение о помощи:

– Нет, спасибо, Юлия. Я справлюсь сама.

Слава богу, девушка не настаивает. Забирает пустую посуду и, включив более яркий, но все же приглушенный свет, уходит. Я же, прикусив губу и стараясь абстрагироваться от неприятных ощущений, сползаю с кровати.

Лифчик и трусы с прокладкой – все, что в итоге есть. И больше никаких вещей. Ни на мне, ни вокруг. Ни разорванного платья – помню, как оно трещало. Ни колготок, те, кажется, были в лоскуты. Ни пуховика, брошенного мною на вешалке в гостевой коттедже. Ни сумки с вещами и документами.

А это уже беда.

Господи, и что мне со всем этим делать?

Несмотря на выпитый обезбол, в голове противно пульсирует, по пищеводу подступает желчь. Но, сжав зубы, я иду в душ.

Глава 8

КАТЯ

Прохожу за дверь, закрываюсь, некоторое время стою, прижавшись спиной к твердой поверхности, пытаюсь унять дрожь и побороть нервный трепет.

Сложно. Мамочка, как же сложно. И страшно. И больно. Не телу, душе.

И очень, просто до безумия, хочется не быть одной.

Обычного человеческого тепла хочется. Поддержки. Ласковых рук, которые обнимут. Крепкого плеча, которое не даст упасть и рассыпаться. Нежного голоса, который скажет: «Катюш, всё будет хорошо, милая».

Он скажет, а я поверю. Клянусь, поверю.

Дедушка по папиной линии всегда говорил, что мы, Ионовы, сильные. Гнемся, но не ломаемся. Даже когда кажется, что выхода нет. Даже, когда предают близкие и меркнет свет, погружая тебя в темноту.

Хорошо говорил, красиво, правильно. Но вот про меня ли?

Столько во мне сейчас сомнений, которые раздирают. Столько страха и неуверенности. А веры в себя – с гулькин нос.

Одна я. Совсем одна в этом мире. А вдруг не вывезу? Вдруг не прогнусь, а сломаюсь после пережитого? Вдруг пропаду во мраке?

Перед глазами мелькает картинка, как безвольной куклой я барахтаюсь под сильным, словно скала, мужчиной; как легко тот сминает мое сопротивление, раздирает одежду, а после и меня саму; как вбивается между ног, входит до упора, отбирая у меня невинность, которую хранила для несуществующего любимого.

Острый спазм скучивает внутренности. Едва успеваю скользнуть к унитазу, как меня выворачивает.

«Господи, какая же я слабая, никчемная», – ругаю саму себя, сидя на коленках возле белого фаянсового «друга» и дрожащей рукой обтирая губы.

И вдруг так стыдно за себя становится. Просто до слез.

Не потому, что не смогла дать отпор или плохо сопротивлялась. Совсем нет. А потому что, пережив худшее, теперь боюсь это принять и тем самым гублю себя, топлю.

Нет! Неправильно.

Мне надо.

Надо принять.

Надо это сделать, чтобы дышать без боли.

Надо, чтобы не заикливаться.

Надо, чтобы двигаться вперед.

Просто. Надо.

Где стою на коленках, там и оседаю на задницу, приваливаюсь бочком к стене и, закусив кожу на большом пальце, чтобы заглушить рыдания, реву.

Слезы – это очищение. Вот и мне хочется очиститься от гадкого чувства использованности. Переболеть. Выпустить весь страх и ужас ситуации, клокочущий внутри.

И как умею, я это делаю.

Не отталкиваю видения, а позволяю им крутиться перед глазами. Переживаю момент своей первой интимной близости снова и снова, по кругу. Раз за разом. Суюсь в самое пекло, не борюсь, не барахтаюсь, а чувствую, осознаю, пока кошмар не становится понятным до мельчайших деталей, а после, перестав кружить, давить и топить, не отпускает сжатое в тиски сердце и оседает пеплом памяти, перестав пугать. Пока на смену тупой обреченности и бессилию не приходит четкое понимание, что всё могло сложиться хуже.

Да, как бы фантастически это не звучало. Кристина могла придумать для меня еще что-то более жуткое, вплоть до смерти, если на то сподобился бы ее извращенный ум и требовали обстоятельства.

Но всего произошедшего могло бы и не быть вовсе.

Будь я умнее, не доверилась бы той, кто так долго показывала истинное лицо. Не приехала бы в чужой город, послушалась бы свою интуицию.

Дура. Идиотка.

Да. Да.

И мне стыдно. И мне жутко. Но и это я себе позволяю. Я – обычный человек. Со своими слабостями, страхами, ошибками.

Людей убивает не прыжок в бездну, а приземление. И чем жестче оно происходит, тем фатальнее.

Я свое приземление переживаю прямо сейчас, но уже знаю, что переживу.

Верю, что смогу.

Да, мне по-прежнему хочется плакать, потому что я всё та же девочка со слабостями, что и час назад. Но зато теперь я чувствую в себе стержень. Маленький, тоненький, но он есть. Я больше не хочу шагнуть с отвесной скалы и вместе с птицами полететь, только не вверх, а вниз.

Я хочу жить.

И я буду жить.

– Буду! – произношу четко и громко.

Осознаю свой поступок и давлюсь удивленным вздохом. Неужели?

Еще раз вслух, медленно, по слогам, как будто на пробу, тихонько повторяю: «Бу-ду». И срываюсь в повторную истерику, но теперь окрашенную в новые, светлые оттенки.

Заговорила.

Мамочка родная, я снова заговорила. Причем, так запросто, обыденно, еще с Юлей, что совсем не обратила на этот факт внимания.

А ведь уже давно не надеялась.

Свыклась с немотой.

Срослась.

Я замолчала шесть лет назад. В день аварии, когда на моих глазах в остановку, где стояли дед и бабушка, влетела навороченная иномарка и не оставила ни одного шанса выжить не только моим близким, но и еще двум мужчинам и одной женщине, не считая ребенка.

После той трагедии меня откачивали несколько дней, положив в больницу. Врачи поставили диагноз – психогенная афония на фоне ситуативного нервного перенапряжения. Уточнив, что это не психическое заболевание, а своеобразная защитная реакция на стрессовую ситуацию. Составили методику лечения, назначили препараты, чтобы фаза молчания не затянулась...

Спустя полгода я сама всё прекратила.

Устала, разуверилась, да и просто перестала выводить и надеяться. Оставшейся одной, без родных, мне стало нормально не говорить, так как было практически не с кем.

Школа к тому времени закончилась. В университет поступила без проблем. Пусть не завела друзей, зато выучилась и получила диплом. А работа? Для немых тоже работы предостаточно, главное, желание ее найти. Удаленка, интернет в помощь. Я нашла, смирившись молчать до конца своих дней.

А оно вон как вышло.

Клин клином вышибло, точнее, стресс стрессом.

Утерев слезы и переборов слабость, поднимаюсь на ноги и срываю с себя одежду. Включаю душ и встаю под теплые струи воды. Беру мочалку, выдавливаю на нее много геля для душа, намыливаюсь, после смываю пену. Повторяю ритуал несколько раз.

До скрипа и покраснения кожи. Пока не чувствую себя достаточно чистой. И снаружи, и внутренне. Пока не отпускаю ситуацию с изнасилованием окончательно. Пока не принимаю себя обновленную и... говорящую.

Нет, я не излечиваюсь на раз-два и вряд ли теперь когда-нибудь захочу секса. Хотя с кем-нибудь. Хотя когда-нибудь. А если встречу наконец любимого мужчину, не знаю, как поступлю. Я не уверена, что сумею ему открыться, довериться.

Но главное же не это. Останусь я по судьбе одна или в моей жизни случится какое-то чудо, я чувствую, что со всем справлюсь.

Я смогу.

Я же Ионова. Я сильная, пусть и слабая.

Я обязательно выстою.

Насухо вытершись, закутываюсь в белоснежный великоватый мне халат, подвязываю пояс и выхожу в комнату.

Поднимаю голову и вздрагиваю всем телом.

У окна стоит здоровенный мужчина. Спинай ко мне, но даже со спины я его узнаю.

Дорохов. Собственной персоной.

Не то почувствовав, но скорее услышав шум, он оборачивается. Так резко и порывисто, что я снова вздрагиваю и автоматически отступаю на шаг к двери. Непроизвольным всхлипом втягиваю через рот воздух и задрожавшей рукой комкаю у горла ворот.

Первая же мысль: ох, мамочки. Куда теперь бежать?

Он же, как хищник в собственном лесу, стоит расслабленно, щурит темные глаза, лениво скользит по мне небрежным взглядом, но так, что сразу к полу припечатывает.

Слезы закипают в глазах. Пальцы трепещут и мелко подрагивают. Кожа леденеет. Я вся изнутри словно замерзаю. Страх сковывает жилы точно зимняя стужа.

Нет. Нельзя. Неправильно.

Надо иначе.

Осторожно, Катя, без паники. Давай-ка, глубокий вдох, медленный выдох. Нужно взять эмоции под контроль и укротить разгоряченные чувства.

Сказать легче, чем сделать. Но я стараюсь.

Я – не жертва. Он – больше не насильник.

Не насильник же?

Последнее очень сложно проговаривать не вопросительно. Даже мысленно. Всегда остается процент неизвестности, который пугает. Но я уперто стараюсь мыслить логически.

Хотел бы добить – добил легко.

Хотел бы бросить – и это сделал. Даже, уверена, последствий бы избежал.

Он же пошел сложным путем: привез к себе, выделил комнату, прислал помощницу, показал врачу, обеспечил лекарствами...

Зачем?

Хороший вопрос, ответ на который можно получить только в общении. А значит, надо быть сильной и общаться, как бы не хотелось оставаться слабой и бежать.

– Здравствуй, Катя Ионова.

Низкий голос звучит ровно. Так ровно, что в сочетании с темным пронзительным взглядом, пустым и холодным, как омут, напоминает речь робота. Но и от нее волосы на затылке становятся дыбом.

Открываю рот. Закрываю.

Сглатываю.

Но, прежде чем решаюсь что-то сказать или сделать, хотя бы просто кивнуть, дверь в спальню распаивается.

Юля, не замечая Дорохова, забегает в комнату и кладет на кровать стопку вещей.

– О, Катя, вы уже справились с душем? Вот и отлично. А то я, честно, переживала, когда сказали, что самостоятельно помоешься, – девушка светло улыбается, не чувствуя общего напряжения. – Кстати, я вам футболку и спортивный костюм принесла. Они мои, но новые. Бирки только срезала. Подумала, в них всё удобнее будет, чем в халате. И по поводу ужина. Принесу уже, ладно? Проголодались же?

Смотрю на Юлю, затем в глаза Дорохова, стоящего у неё за спиной.

Медленно киваю.

– Ох, горло всё еще болит, да? Говорить трудно? – печалится девушка, не подозревая, как ненамеренно раскрывает мой секрет постороннему. – Ну ничего, мы теплым молочком с мёдом его восстановим. Согласны?

Повторно кивнуть не успеваю. Опережает Дорохов.

– Юля, оставь нас на пять минут. После можешь подать гостье ужин.

Глава 9

КАТЯ

Гостья...

Что это? Слово-издевка? Неверное применение существительного, дабы не выставить себя перед прислугой в плохом свете? Или оно несёт под собой что-то значимое?

И, если последнее, то что именно?

Я не знаю Дорохова, как человека. Не знаю его, как начальника, не ведаю о его отношениях с наемным персоналом. Не имею ни малейшего представления, привык ли он блистать красноречием, или, наоборот, говорит мало и исключительно по делу. А каждое его слово на вес золота. Сложно оценивать человека после короткой встречи.

Встречи...

Вот это, бесспорно, слово-издевка. Но именно в него я облакаю наше чёрное прошлое, старательно укрощая страх.

И всё же, цепляясь к точным определениям, гостья – это женщина, имеющая возможность в любое время свободно покинуть чужой дом.

Так? Так.

Выходит, я тоже имею? В этом смысл?

Или же... это мой новый статус для остальных на то время, которое мне придется здесь задержаться?

А задержаться зачем?

Чтобы удостовериться, что я не побегу писать заявление в полицию?

Да ну, бред. Не верю.

Припугни меня, даже несильно, этого будет вполне достаточно чтобы я не делала глупостей. Потому что только дура ищет на жопу дополнительных приключений, едва выкарабкавшись из предыдущих. Нормальная же хочет жить долго... и не инвалидом.

Чтобы с моей помощью попытаться добраться до Кристины?

Тоже очень сомневаюсь.

Этот Дорохов не выглядит простаком и, судя по окружающей богатой обстановке, не бедствует, а значит, вполне в состоянии достать у провайдера нашу переписку с Царевой и убедиться, что толку от меня ноль.

В сторону секса даже не думаю. Ну какая из меня любовница? Смех.

Да и не представляю, чтобы у него могли возникнуть проблемы в этом плане. Пусть он и выглядит пугающе, навевает жуть и давит своей мощной хищной энергетикой, едва ли у него существуют трудности с поиском удовлетворения.

От таких мужчин женщины не бегут, а головы теряют.

Он красив. Харизматичен. Не денди с обложки, но брутальный самец. Сильный. Дикий. Опасный. Дьявольски совершенный и вместе с тем устрашающий.

Тот, кто привык, что ему подчиняются. Моментально, беспрекословно. Во всем. Всегда.

Легко обмануться, рассчитывая приручить такого хищника, но дурочки, уверена, не иссякают. Женщины любят строить иллюзии, пытаюсь разглядеть за ледяным фасадом белокрылого ангела, и совершенно не догадываются, что внутри скрывается натура демона.

Лихорадочные рассуждения, подобно рою напуганных диких пчел, проносятся в охваченном паникой, воспаленном от напряжения мозгу и схлопываются, как мыльный пузырь, образуя полнейшую тишину, как только мужчина делает шаг вперед.

Дорохов приближается неторопливо. Небрежно. Лениво. Так сытый зверь надвигается на добычу. Разглядывает жертву, прикидывает, когда именно ее сожрать, в каком виде употребить. Чуть склоняет голову, изучает исподлобья.

Одолевает первобытный страх. Липкий, суеверный, ледящий душу. Страх, поражающий каждый мускул.

Хочу удрать, однако тело отказывается подчиняться. Замираю точно вкопанная, не удается шевельнуться. Ноги немеют.

А он подступает ближе. И еще ближе.

Жуть. Дыхание рвется. Самовнушение, что всё будет хорошо, осыпается прахом. Спасения нет и не будет.

Когда между нами остается меньше метра, замуриваюсь и каменею.

Жду. Сама не знаю, чего. Но ничего хорошего точно.

Не с ним.

Проходит секунда оглушающей тишины. Две. Пять.

Не выдерживаю. Распахиваю ресницы и тотчас сгораю дотла в холодном огне черных глаз. А затем вижу движение руки и почти захлебываюсь вдохом.

Зачем он? Что?

Не надо! Не трогай!

Вжимаюсь в стену и шумно выдыхаю, когда осознаю его действия. Мамочки, стыдно как. Вот уж действительно богатое воображение порой становится худшим врагом.

А Дорохов всего лишь поправляет мне халат, ворот которого безбожно распахнулся, показывая намного больше допустимого.

И в этом виновата я сама. Слишком испугалась, слишком сильно дергала... и не смотрела вниз.

– Так будет лучше, – мрачно произносит он, окидывая меня выразительным взглядом, обдавая льдом с головы до ног.

Теперь он не рычит, как в ту ночь, не нападает.

Не плюется агрессией.

Слова звучат отрывисто, хрипло. Кажется даже, что мягко и обволакивающе, но бред.

Этот человек не умеет мягко. Не верю!

– Идти сможешь? – спрашивает, убирая руки в карманы брюк.

Не знаю с чего, но в голове мелькает мысль, что ради меня старается. Я ведь, и правда, боюсь его рук. Крепких, сильных и совершенно безжалостных, когда он хочет.

– Д-да, – отвечаю судорожно, – м-могу.

И взгляд отвожу скорее. Потому что там, на дне пустых глаз, вспыхивает что-то странное. То, чего не должно там быть.

Комнату пересекаю, мобилизуя жалкие остатки внутренних ресурсов. Слабость раздражает, но силы реально на исходе, как и действие обезболивающих. А еще стараюсь не поворачиваться к мужчине спиной.

Наверное, со стороны это выглядит смешно и нелепо, но меня подобные мелочи не беспокоят. Важно дойти и не свалиться кулем. И чтобы Дорохов не приближался.

Удается. В кресло у окна пристраиваюсь бочком, мысленно – охая и кусая губы, внешне – держа лицо. Стараясь ничем не выдать ни усталости, ни плохого самочувствия.

– Времени у нас с тобой мало. Давай остановимся на главном, – мужчина открывает рот, стоит вскинуть взгляд, и в общем-то произносит то, что меня устраивает.

Сама люблю по делу. Без лишней мишуры и пустых фраз.

– Итак. Как я сказал Юле, ты – гостья в моем доме. Это значит, силой держать тебя никто не будет. Хочешь уйти – уходи, хочешь остаться – оставайся. Выбор за тобой. Но решай прямо сейчас, до моего отъезда.

Неожиданное начало обрушивает всё, что я успела выстроить в своей голове ранее. А мужчина уже продолжает.

– Из бонусов в варианте остаться: полный пансион, круглосуточная квалифицированная медицинская помощь, Юля в качестве помощницы, надежная защита и... моё отсутствие. Из бонусов в варианте уйти: длительная дорога домой, даже при условии, что я дам тебе водителя, вымотаешься ты сильно. И, конечно же, родные стены. Правда, думаю, стены защитят ненадолго.

Последняя фраза напрягает.

В смысле: защитят ненадолго?

Дергаю руками, по привычке желая задать вопрос языком жестов, но Дорохов, не сводящий с меня глаз, поясняет раньше:

– Возле твоей пятиэтажки с шести вечера сегодняшнего дня пасутся странные личности. Мы пробили номер машины, и практически нет сомнений, что это люди твоего деда.

Вздрагиваю.

Деда... нет у меня никакого деда. А тот, про кого говорит Дорохов, мерзавец и нелюдь, издавающийся над людьми.

И он мне – никто. НИКТО!

Сама не замечаю, как начинаю мотать головой.

– Катя, – хрипло произносит мужчина, в момент обрывая зарождающуюся волну агрессии и неприятия, – хочешь ты того или нет, Царева *уже* втянула тебя в наши разборки. А Царев Емельян Егорович, твой и ее дед, одно из главных действующих лиц. Теперь они не оставят тебя в покое, пока не используют до конца. Моего, твоего – неважно. Поэтому... фактически сейчас твой выбор состоит лишь в том – чью сторону ты займешь. Их. Или мою. Остаться в стороне уже не выйдет.

Боже, я думала, что все самое страшное осталось за спиной. Теперь, глядя в немигающие глаза вчерашнего кошмара, слушая его спокойный голос, четко раскладывающий мое будущее по полочкам, понимаю, насколько сильно ошибалась.

– В-ваша с-сестра, – голос ломается, слова выходят с запинками, но я не могу не спросить, – они действительно её из...

Нет... продолжение даже озвучивать дико, и больно, и страшно...

Слишком по живому.

И не только у меня.

Услышав вопрос, Дорохов не двигается и не меняет положения тела, лишь до хруста сжимает кулаки. Но его аура изменяется совершенно, наливается чернотой, сумасшедшей агрессией и болью. Пульсирующей, давящей, сводящей с ума.

– Мне жаль, – произношу почти беззвучно.

Но и этого хватает, чтобы мужчина дернулся всем телом, как от хлесткой пощёчины.

Моей ему пощёчины.

– Мне тоже жаль, Катя, – его голос скрипит, когда он это произносит. – Очень.

Дальше воцаряется полнейшая тишина.

Но мимолетная вспышка вины, которую я улавливаю в его сумрачном взгляде, красноречивее десятка слов утверждает, что его фраза была не о сестре.

Глава 10

КАТЯ

Ужин.

Кажется, не влезет ни кусочка. После того как хозяин дома покидает щедро выделенную мне комнату, опадаю в кресле, как потревоженная опара. Сдуваюсь и в прямом, и в переносном смысле. Прячу глаза за сомкнутыми ресницами и, подрагивая всем телом, перевариваю услышанное.

Расклад зловещий.

Варианта два. Оба жутких.

Хочется третий – идеальный – подальше от тех и от других.

Но кто ж меня спросит?

Как говорится, игроки в сборе, карты розданы, и как хочешь, так с ними теперь и вертись. Шанса отказаться нет. А я – не то что завязанный картежник, среди двух матерых шулеров – Царева и Дорохова, я – лузер обыкновенный.

Спрятав лицо в ладонях, воспроизвожу в памяти образ мужчин. Одного и другого.

Царев.

От одного имени этого нелюдя окунает в ненависть. Абыюзер, тиран, деспот, убийца – всё это он. Он. Он! Тот, кто идет по головам в прямом смысле слова, ради обогащения не жалея ни чужих, ни своих.

Мерзкий человек, бездушный.

Мой отец еще до моего рождения с отличием окончил факультет мировой политики, в отличие от моего дяди, родного брата мамы, отца Кристины. После нескольких лет успешной работы он вошел в состав участников дипмиссии в одну из европейских стран. Я смутно помню те годы, была малышкой, которую интересовали лишь куклы и любовь родных. И того и другого имелось в достатке, и я была счастлива. Моя семья была счастлива.

Пока дед по материнской линии не захотел использовать отца в своих целях.

Нелегальных.

Я не знаю всех подробностей, от меня многое скрывали. И сами родители, и позже дедушка с бабушкой. Но даже по обрывкам памяти, услышанным тут и там разговорам, я знаю, что отец категорически отказывается от «шикарных» идей тестя.

Тогда Царев начал давить через маму. Угрожая, шантажируя. Мамочка... моя милая мамочка, она не предала моего отца, и тогда ее собственный от нее отсекся.

Это сильно по ней ударило. Ненависть собственного родителя. Запрет старшему родному брату с ней общаться. И, самое печальное, ей запретили видеться с племянницей. Кристиной. Той девочкой, кого мама воспитывала практически с рождения, потому что мать Кристины, родная сестра моего отца, умерла при родах.

Да, вот такие хитросплетения судьбы.

Две семьи, Царевы и Ионовы породнились через сыновей и дочерей. Порой мне кажется, что и к этому когда-то давно приложил свою загибающую лапу мой родственник-чудовище. Интриган и махинатор, он всё и всегда делал ради собственной выгоды.

И да, он мог.

Я училась в начальной школе, когда мои родители погибли. И дядя погиб тоже. В одной аварии, но на разных машинах. Тогда дело странным образом замяли, списав все на плохие погодные условия и глупое желание мужчин погонять по мокрой трассе.

Вот только ни бабушка, ни дедушка в этот бред ни на миг не поверили. Мама была беременна. Отец ни за что не стал бы рисковать любимой женщиной и ребенком.

Именно тогда, после похорон, они спешно собрали немногочисленные вещи и увезли меня в небольшой провинциальный город. Лишь позже, повзрослев, я осознала, что мы живем существенно скромнее, чем жили при родителях. Я до сих пор не знаю, что сделал дедушка, чем пожертвовал, и кому отошло немалое состояние Ионовых, но с тех пор Царев будто о нас забыл.

Забыл обо мне.

И не лез.

Я лишь нечасто общалась с Кристиной, которая изредка приезжала к бабушке и дедушке на каникулах. Ну, как общалась? Старалась подружиться, понравиться, двоюродная сестра как-никак, но получала в ответ странную ненависть в глазах и тихие упреки, что из-за меня Ионовы переехали не пойми куда и любят ее меньше меня.

Да жизнь распорядилась по-своему. Кристина стала единственной признанной внучкой и наследницей Царева. А я любимой внучкой Ионовых. Нет, вторую девочку от обожаемой дочери бабушка с дедушкой тоже любили и баловали в меру возможностей, но Емельян Егорович умело лепил из нее свое подобие.

Очень, умело, как теперь, с запозданием понимаю.

Шумно выдохнув, растираю пальцами глаза и переключаюсь на второго мужчину.

Дорохов.

Темная лошадка. Богатый мерзавец. Властный тиран. Жесткий человек. И, вполне вероятно, кто-то еще. Я не в курсе.

Но очевидно и иное. Как бы он не пугал меня зловещей энергетикой и сотворенным зверством, в нем есть бесспорный плюс.

Тот, которого нет в Цареве.

Этот мужчина не безнадёжен. Он умеет чувствовать, любить, страдать. Может, странно и избирательно, параллельно ненавидя других, но умеет.

Ради сестры он без раздумий готов на всё. Жертвовать, рисковать, терять. А это ли не признак человечности?

Витая в мыслях, наблюдаю за Юлей, расставляющей тарелки. От куриного бульона в солнечно-желтого цвета пиале идет умопомрачительный аромат. Такой, что непроизвольно сглатываю скопившуюся во рту слюну.

– Катенька, вы меня простите, что отвлекаю, но Захар Тимурович собирается уезжать. Он попросил перед ужином передать вам письмо и дожидаться ответа.

Помощница Дорохова достает из кармана белый конверт. Протягивает.

Несколько минут прожигаю бумагу немигающим взглядом.

Решаюсь. Забираю.

– Хотите, я подожду за дверью? – интересуется девушка, когда я не спешу его распечатывать.

Смотрю на нее. Всего лишь добросовестная исполнительница. Попрошу – выйдет. Но что, если это заметит хозяин дома и зайдет ко мне сам, чтобы поторопить?

Нет уж. Не хочу.

Мы уже с ним сегодня пообщались.

Мне хватило эмоций.

– Останься.

Веду рукой в сторону банкетки и, не дожидаясь, пока она сядет, распечатываю конверт.

«Катя. Я буду отсутствовать неделю. Если остаешься, попрошу об одном условии. Никто не должен знать, что ты заговорила. Юлю молчать – предупрежу сам. Если уезжаешь, мой начальник безопасности Стас Нилов тебя отвезет. Он в курсе.

З.»

Дважды пробегаю короткое послание глазами. Неторопливо сворачиваю и убираю назад в конверт.

– Передай, пожалуйста, Захару Тимуровичу, что я остаюсь, – обращаюсь к девушке.

Юля кивает и, поднявшись, исчезает за дверью.

Я потираю немного заledenевшие пальцы.

Что ж, решение принято. Надеюсь, впоследствии я о нем не пожалею.

Глава 11

КАТЯ

Десять ложек супа – всё, на что меня хватает. По пищеводу после еды разливается тепло, но оно совершенно не затрагивает сердце и душу. Прежняя стужа царит и там, и там.

Бегло осмотрев комнату, осознаю одну печальную вещь – моих личных вещей так и не появилось. Ни сумки с документами, ни телефона. А спросить о них у Дорохова я, растерявшись, забыла.

И что теперь?

Неужели глухая изолированность?

Подавив очередной вздох, подхожу к кровати и дотрагиваюсь до вещей, принесенных Юлей. Забота без скрытого умысла, благородный порыв чужого человека. Поступок совершенно неожиданный в свете последних событий и оттого бьющий прямо в сердце.

Мир не без добрых людей.

Сморгнув влагу, закипевшую в глазах, переодеваюсь. Если бы не усталость, обязательно ушла в ванную, чтобы скрыться и не рисковать быть застуканной в голом виде, но вымотанный мозг убеждает, что ресурс на пределе.

Мне везет.

Домработница Дорохова переступает порог комнаты, когда я, облаченная в обновки, стягиваю край одеяла, намереваясь лечь в кровать.

– Катя, вам идет, – улыбается девушка, – ненавязчиво рассматривая переодетую меня. – Немного велико, но сейчас же в моде оверсайз.

Подмигивает, ловя мой признательный взгляд, но через секунду становится серьезной. В комнату входит еще один человек.

Не женщина. Не девушка.

Дама.

Гордая осанка, высоко поднятая голова, строгое выражение лица и незримое чувство превосходства.

Замираю. Напрягаюсь.

Кто она?

Вещи неяркие, но явно дорогие. Грамотно подчеркивающие худощавую фигуру. Прическа – узел. Но такой идеально небрежный, которые обычно в салонах по два часа укладывают. Не то чтоб я знала сие на собственном опыте, нет, а вот девчонки в универе любили поболтать. Макияж сдержанный, но делающий акцент и на красоту бровей, и на глубину глаз, и на аристократический нос, и на пухлые губы.

Интересно, она после посещения званого ужина ко мне заглянула или перед? И какова цель визита?

– Добрый вечер, Катя. Меня зовут Валерия Юрьевна. Я – твой лечащий врач.

Развенчивает тайну жгучая брюнетка. Она растягивает губы в красивой улыбке, но та не задевает глаз.

В принципе, всё правильно. С чего бы она должна вспылать к незнакомому человеку дружелюбием?

Но на контрасте с Юлей этот факт режет глаз.

Необходимость и искренность слишком диаметрально. Особенно для эмоционально нестабильной меня.

– Вчера вечером я тобой занималась, – продолжает между тем дама, дождавшись от меня едва заметного кивка и этим, к счастью, удовлетворившись. – Сейчас еще раз осматрю. Поставлю капельницу. Позже обсудим курс твоего восстановления. Ложись пока.

Озвучив план действий, Валерия Юрьевна оборачивается к Юле.

– Что с таблетками, ты ей давала?

– Да, как вы велели.

– Противозачаточные?

– И их тоже, конечно.

– Выпила?

– Да.

– Хорошо. Пока можешь быть свободна. Позже позову.

Юля кивает, подхватывает поднос с грязной посудой и, бросив в мою сторону еще один теплый взгляд, покидает комнату.

Я же отмечаю несколько деталей.

Первое – моему врачу никто не сообщил, что случилось чудо, и пациентка заговорила.

Интересно, почему? Обычно докторам принято рассказывать всё, как на духу. Но это явно не тот случай.

Второе – речь обо мне в моем же присутствии велась в третьем лице, будто я недееспособна и не могу сама за себя отвечать.

Жирный минус в карму Валерии Юрьевны. И еще минус за переход на ты без моего разрешения. При чем себя дама сходу представила по имени-отчеству.

Если это был ход, направленный на наше сближение, то он явно у нее провалился. Дистанция – это то, что сейчас мне крайне необходимо.

– Итак, давай тебя посмотрим...

Удалившись ненадолго в ванную, чтобы вымыть руки, брюнетка возвращается в спальню, открывает принесенный с собой портфель, достает инструменты, натягивает латексные перчатки и подступает ко мне.

Пока длится неприятная процедура, закусываю губу и просто дышу, стараясь отключить мозг. На вопросы отвечаю или кивая, или мотая головой. Получается вполне обычное общение, к какому я давно привыкла.

– Ну что могу сказать? – подает голос врач после того, как, зафиксировав в вене катетер, подключает капельницу. – Есть небольшие трещины и воспаление. Разрывов нет. Всё лучше, чем могло бы быть. Но хуже, так как могло бы вовсе не случиться.

Выдав витиеватую речь, Валерия Юрьевна замирает, прожигая меня внимательным взглядом. Смотрю на нее в ответ, прокручивая последние предложения.

– Я ведь права? Он взял тебя против воли? – уточняет она, не получив никакой реакции.

Пребываю в ступоре.

Фактически – да, она всё говорит верно, стоит кивнуть... Но тот факт, что ей не доверили главную обо мне информацию, удерживает от скоропалительного поступка.

Доверять или нет? Вопрос на миллион.

– Я понимаю, что ты боишься довериться незнакомому человеку, – брюнетка будто мысли читает. Накрывает мой кулак, сжимающий одеяло, своей тонкой рукой, поглаживает. – Но, поверь, Катя, я хочу тебе помочь. Если тебе здесь плохо, просто кивни, и я заберу тебя к себе?

Хмурюсь.

К себе? Куда?

Дама, сидящая на края моей кровати, считывает реакцию и тут же поясняет:

– К себе в дорогую частную клинику. Я там работаю заместителем главного врача. Обещаю разместить с удобствами, вылечить, а после помочь уехать домой.

Ого какая щедрость.

– На счет Захара не волнуйся. Я смогу его убедить, что в клинике тебе будет лучше, чем здесь, в его доме.

Недоумение прогрессирует.

Действительно сможет?
Неужто имеет на него такую власть?
И почему я сомневаюсь?..
Хотя мысли уже перепрыгивают на иное.
В чём заключается реальный смысл ее поступка? Что превалирует?
Зашкаливающее самомнение женщины, ярко демонстрирующей близость с Дороховым,
и её попытка убрать меня отсюда подальше?
Или добросердечность врача и честное желание помочь попавшей в беду девушке?
Хотелось бы верить в последнее, но...
Отрицательно качаю головой, решая не спешить с выводами.
Как бы не желала я очутиться дома, в родных стенах, не верить Дорохову, что Царевы
только этого и ждут, чтобы вцепиться в меня мертвой хваткой, не могу. Эти сделают и не такое.
А я хочу покоя. Пусть временного, но всё же.
В этом месте мне обещали его дать.
Целую неделю.

Глава 12

КАТЯ

Утро наступает в тот момент, когда просыпаюсь. Сама. Меня никто не будит. И, судя по тишине за дверью, даже не пытается намекнуть, что пора вставать.

Откидываю одеяло в сторону и спускаю ноги с постели, не спеша подниматься. Устремляю взгляд в окно и часто-часто моргаю.

Светло. Солнечно. И так искристо-ярко, что сетчатку режет.

Тонкий прозрачный тюль без рисунка нисколько не скрывает белоснежного «моря» – на всем протяжении, какое может охватить человеческий глаз, простираются заснеженные поля. А прямо за стеклом в морозном безветрии лениво кружатся пушистые снежинки. Они изредка бесшумно задевают стекло и оседают на металлическом отливе.

Завораживающе красиво.

Легонько оттолкнувшись от кровати, поднимаюсь на ноги и, чуть шаркая пятками, страшась, что тянущая боль внизу живота при неосторожном шаге вернется, подхожу к широкому подоконнику. Не касаясь занавески, прислоняюсь к пластиковому краю и выглядываю вниз.

Высокий, под два с половиной, а то и все три метра, глухой забор с кованными пиками по верху опоясывает территорию. Справа ровной линией посажены туи. Слева кучкой растут голубые ели. В центре большая беседка с резными перилами. Сбоку поленица и чуть дальше мангальная зона под покатой крышей. Дорожки расчищены. Кругом порядок.

И никого.

Ошибаюсь.

Спустя несколько минут из-за угла дома выворачивает мужчина. Так сразу возраст не определишь, но навскидку где-то лет тридцать. Короткая дубленка, темные брюки заправлены в высокие берцы, темный свитшот под горло, вязанная шапка на макушке. В руках рация.

Охрана?

И точно. Осматривает все кругом внимательно, потом негромко свистит.

Кому?

Ого. Алабай. Огромный. Белый с желтыми пятнами на холке и боках. Выбегает, нюхает снег, смешно чихает, словив снежинки, и несется дальше. Игривый. Похоже, молодой совсем.

За ним следом второй. Тоже алабай, но окрас иной. Черно-белый. Этот заметно крупнее, но и степеннее. Не летит, идет, вальяжно переминаясь с лапы на лапу. Ведет мордой, смотрит на охранника, по сторонам, втягивает носом воздух.

Затаиваю дыхание, но они на окна не глядят. Цепляют периметр и постепенно удаляются. Провожая их до поворота, после мысленно киваю самой себе.

Ясно теперь, о какой защите говорил Дорохов. О конкретной такой. Зубасто-клыкастой плюс профессиональной. Даже не удивлюсь, если вооруженной огнестрельным оружием.

Только что ж тогда получается? Угроза *настолько реальна*? И причина этому – Царев? Ничего себе уровень разборок.

Волосы дыбом.

Обхватив шею рукой, заставляю себя дышать медленно и глубоко и не накручивать зазря нервы бесполезными переживаниями. Пользы ноль, а голова разболится. Лучше уж пользоваться возможностью и осматриваться. Может даже, разговорить Юлю. Или еще кого-то.

С такими мыслями и отхожу от окна.

Водные процедуры много времени не занимают. Умывшись и расчесав волосы найденной у зеркала расческой, заплетаю их в косу и перекидываю за спину. Ясное дело, скоро расплетутся без резинки, но хоть какое-то время не будут мешать.

Футболка, спортивный костюм. Теплые носки. Кофту застегиваю под горло. Пусть в доме тепло, но хочется по возможности максимально закрыть тело.

Дверь распахиваю, подсознательно ожидая грубого окрика, что выходить мне не положено. Но ошибаюсь. В коридоре пусто.

Прислушиваюсь. Тишина. И куда дальше?

Окей, иду по наитию. Лестницу нахожу без труда, неспеша спускаюсь вниз. Осматриваюсь. Делаю выводы.

Не покидает ощущение, что гуляю в музее. Все кругом странное и очень богатое.

Никогда не разбиралась в стилях интерьерера, но этот назвала бы «европейской деревней». Много дерева, блестящего от лака и пахнущего свежестью леса. В отделке природный камень. Металл под старину, кожа, льняная ткань. Цветовая гамма преимущественно природных оттенков – зеленоватые, песочные, коричневые и терракотовые цвета. С виду мебель простая, но детали выдают качество. И да – всё только нужное и ничего лишнего.

Красиво. Чисто. Идеально. Дом-мечта, сошедший с картинки журнала.

И неживой.

Совершенно.

Ничего не выдает в нем его хозяев: нет ни раскиданной у входа обуви, ни забытых на столе книг, ни тарелок с остатками недоеденного утром бутерброда, ни фотографий в резных рамках на комод.

Ни-че-го.

Останавливаюсь посреди холла, решая – куда дальше.

Слева виднеется часть гостиной. И тут я замираю, забывая дышать, ибо видела подобное лишь в кино – огромные панорамные окна. Красота... наверное.

Тянет туда магнитом. Хочется увидеть всю комнату целиком, рассмотреть детали, впечатлиться.

Но шорох со стороны широкой арки слева, узнаваемый голос Юли, а затем и безумно аппетитные запахи, заставляющие заурчать живот, откладывают эти планы на попозже. Поворачиваю в сторону столовой.

Глава 13

КАТЯ

– Доброе утро, Катенька! Проходите скорее, не стойте в дверях, – девушка встречает меня приветливой улыбкой.

Отбросив прихватки, которыми пользовалась, доставая противень из духового шкафа, первой направляется к большому овальному столу возле окна и расстилает напротив одного из пустующих стульев бамбуковую салфетку.

– Здесь, думаю, будет удобно, – комментирует свои действия, предлагая присесть.

Открываю рот, чтобы поздороваться в ответ и поблагодарить... но вместо этого дергаюсь, слыша незнакомый мужской голос:

– Не стоит, Екатерина. Даже у стен иногда есть уши.

Кухня и прилегающая к ней широким пролетом столовая составляют собой сложное по строению помещение в виде буквы Г. Оттого присутствие чужака, стоящего в дальней части возле большой хромированной кофемашины, остается для меня неизвестным, пока он сам о себе не заявляет.

Оборачиваюсь, упираюсь в него взглядом, не понимая, как реагировать.

– Меня зовут Станислав Нилов. Можно... просто Стас, – мужчина дергает губы в подобии улыбки, бросая хитрый взгляд в сторону Юли.

Прослеживаю его чисто интуитивно. Замечаю у девушки румянец на щеках. Дальше картинка складывается сама собой.

Первое – передо мной начальник безопасности Дорохова. О нем в записке упоминал хозяин дома. Второе – мужчина в курсе того, кто я, что я, и почему здесь. Третье – Юля, как предполагавшийся ранее источник информации, отпадает.

Неспроста начбез озвучил «просто Стас» с четкой заминкой. Точно также я вчера представлялась домработнице. По всему выходит, о нашей беседе она рассказала ему всё и в подробностях. Вполне вероятно, не только ему.

В первый момент хочется обидеться, может даже, развернуться и уйти. Успеваю сжать кулаки и замереть, как перед прыжком. Но в следующую минуту передумываю, расслабляюсь.

Накрывает пониманием, что поведение Юли как раз таки нормально и вполне закономерно. Это я – человек среди них новый, неизвестный, непонятный, а все они – хорошо слаженный и работавшийся коллектив, как минимум.

– Хм, интересно.

Замечание мужчины вновь обращает на него моё внимание.

Приподнимаю бровь, мимикой предлагая пояснить озвученное, но тот лишь отрицательно качает головой, рассматривая меня с каким-то новым интересом.

– Кофе хотите, Катя? Могу предложить эспрессо, американо, капучино, латте, мокко, – переводит тему.

Мысленно пожимаю плечами – не хочет говорить, не надо. Поднимаю правую ладонь вверх и показываю два пальца.

– Сахар?

Мотаю головой.

– Даже так? – улыбка мужчины становится шире.

И что на этот раз не так?

От обдумывания отвлекает Юля.

– Катя, что вам подать? Есть творожная запеканка с изюмом, омлет с овощами, домашние колбаски – очень рекомендую, блинчики. Начинки разные. И сладкие, и соленые. Могу выставить пустые и к ним предложить сметану, мед, черничный джем.

Боже. У меня от одних названий во рту потоп случается. Всё звучит безумно вкусно, а аромат какой... закачаешься.

– Юль,ставляй на стол и то, и другое, и третье. Давай-давай. И сама садись с нами завтракать, – принимает общее решение Нилов.

– Ой, я не могу, неправильно как-то, – запинаясь домработница, бросая на меня извиняющийся взгляд.

И что мне делать?

Объяснять жестами, что я совсем не возражаю? Ведь, кажется, отказ звучит только из-за меня.

Но поймут ли?

На помощь приходит все тот же начбез.

– Почему не можешь? Еще как можешь, – давит уверенностью и следом кидает вопрос мне в лоб. – Катя, вы же не будете против компании Юли?

А имею право?

Вскидываю брови. Раз такой умный, может, и это считает. Затем передумываю – зачем нарываться? – и просто мотаю головой.

Для надежности еще и рукой на соседний стул указываю.

– Ну вот видишь, Юль, наша гостья совсем не против, – скалится мужчина, приближаясь к столу с двумя чашками кофе в руках. Одну ставит прямо передо мной, со второй отходит, занимая стул на противоположной стороне.

Юля расставляет посуду, подает приборы, суетится по мелочам. Вскоре тоже садится. Бросает в мою сторону извиняющуюся улыбку.

Отвечаю ей тем же, киваю.

– Приятного аппетита, девушки.

Стас Нилов – вот кому всё нипочем. Уверенно наполнив собственную тарелку, по очереди оценивает наши пустые.

– Помочь, дамы? – интересуется ехидно. Получает синхронные безмолвные отказы и, хмыкнув, спокойно приступает к еде.

Присоединяемся.

Вначале думаю, кусок в горло не полезет, несмотря на голод. Ошибаюсь. И омлет, и домашние колбаски идут на ура. Запеканку обещаю Юле отведать вечером и с удовольствием приступаю к кофе.

Вкус насыщенный, яркий, многогранный.

Сделав глоток, немного катаю его на языке. Распробую терпкость, проглатываю.

Класс!

Новый глоток.

– Может, всё же сахарку, Кат? Хоть ложечку, – морщится соседка слева, глядя на черную жижу в моей чашке. Считывает непонимание во взгляде, поясняет. – Не представляю, как вы такую горечь пьете. Еще и без молока.

Себе она сразу налила чай с облепихой, заваренный в френч-прессе. И посластить не забыла, добавив меда.

Улыбаюсь, отказываясь, но вмиг становлюсь серьезной, услышав голос Нилова.

– Как интересно. Оказывается... любители американо – люди, умеющие брать от жизни все и сразу. Они целеустремлены и рациональны. Их разум всегда идет впереди эмоций. Они любят дорогие вещи и имеют изысканный вкус. Часто успешны. Стремятся к обеспеченной и размеренной жизни в тихом уютном особняке.

Мужчина гасит экран телефона, с которого зачитывал текст, и, откинувшись на стуле, обращается непосредственно к Юле:

– Ну как, Юль, никого не напоминает?

– Ой, напоминает, конечно. Захара Тимуровича – сто процентов. Не зря он только такой кофе предпочитает, – кивает девушка, широко улыбаясь.

– И не только он, как оказывается, – поддакивает начбез, изучающе глядя на меня.

Странные разговоры, непонятные намеки. Хочется поскорее от них отстраниться, закончить завтрак и уйти к себе, но мужчина, посерьезнев, озвучивает иные планы.

– Екатерина, как здесь закончите, – взглядом показывает на ополовиненную чашку, – приходите в кабинет на первом этаже. Нам есть, что обсудить. Юля проводит.

Глава 14

КАТЯ

– Прошу, – Нилов делает приглашающий жест рукой, предлагая самостоятельно выбрать любое место в просторном кабинете. – Куда желаете?

Прохожу, осматриваюсь.

Несмотря на массивную мебель, тяжелые портьеры глубокого изумрудного цвета и темный тон дерева, использованный в отделке стен, окружающая обстановка не давит, а создает ощущение монументальности, значимости и, как ни странно, надежности.

Из наличия сидячих мест выбор тоже приличный. Есть большой темно-коричневый с переходом в рыжину кожаный диван, парочка кресел ему в тон, приютившихся возле маленького круглого столика на резной ноге, четыре стула, обтянутых зеленым сукном, вокруг приставки к рабочему столу, и, конечно же, хозяйское кресло во главе. Из черной кожи, огромное, стильное и, не сомневаюсь, очень удобное.

Я выбираю кресло. Но не то, особенное, царское, а одно из двух возле круглого столика, чья спинка упирается в стену. Как по мне – идеальный вариант, ведь никто ни при каком условии не сможет оказаться у меня за спиной.

«Теперь я могу говорить?» – задаю вопрос жестами, указывая себе на губы, после того как опускаюсь на мягкую кожаную обивку.

– О, да, конечно, – позволяет мужчина, не спеша отходить от закрытой им двери.

Легкая улыбка на губах, приветливость во взгляде, расслабленная поза. Не сомневаюсь – всё это хорошо продуманная и нередко используемая маска, применяемая начальником безопасности Дорохова, когда того требуют обстоятельства.

Сейчас тоже явно требуют.

Не зря ж он меня рассматривает, как букашку под микроскопом. Изучает, наблюдает за каждым шагом, поворотом головы, мимикой. Пристально и, я б даже сказала, детально.

То, что в одной из папок на рабочем столе Захара Тимуровича давно собрано полное досье на Ионову Екатерину, ни капли не сомневаюсь. Лежит, и, пожалуй, пухленькое. Но профессионалу – почему-то абсолютно уверена, что Нилов именно профессионал своего дела, матерый, опытный и осторожный, – собранных бумажек мало.

Ему в довесок нужно собственное мнение обо мне. Для целостности, так сказать, картины.

Вот он и пытается его составить, располагая к себе и в то же время играя на контрастах, представляя то добряком, готовым угождать, то жестким человеком, привыкшим к немедленному и четкому выполнению его распоряжений.

Что ж, его право. Я и сама в бескорыстную доброжелательность не верю, но пообщаться, чтобы прояснить для себя некоторые моменты на будущее, совсем не прочь.

– Всё в порядке? – приподнимаю бровь.

Чересчур пристальное внимание безопасника начинает утомлять.

– Да-а-а... – тянет он, отлипая от деревянного полотна и занимая место напротив. На диване.

Даже этот его выбор считаю продуманным.

Не в соседнее со мной кресло садится, чтобы не нервировать близостью. Не на один из стульев уходит, сохраняя границы, намекающие на некоторую деликатность разговора. Да и кресло Дорохова игнорирует, давая понять, что он – это он, Стас Нилов, и на «трон» хозяина кабинета никоим образом не претендует.

– Просто меня очень удивляет ваша реакция, Катя, – поясняет мужчина, не ограничиваясь утвердительным ответом. – Вы, как я вижу, сильная девушка. Очень сильная. К тому же

здравомыслящая и осторожная. Чувствуется, что вам сейчас непросто, но вы не истерите, не бросаетесь в крайности, не делаете глупостей. Осторожничаєте.

– Это плохо? Или хорошо?

Описывая то, что сумел во мне рассмотреть – когда только успел?! – Нилов хитро не дает цветовой окраски своим выводам.

А мне было бы интересно их узнать. В отличие от него я в себе всего перечисленного не ощущаю. Точнее, оно есть, но направленно внутрь меня – на сохранение внутреннего баланса и устойчивой психики, а не чтобы порадовать остальных.

– Не решил пока, – усмехается Нилов, качнув головой. – Но то, что вы выбиваетесь из шаблона, все-таки радует. В вас есть стержень, значит, есть принципы. Так может, и человек вы в отличие от ваших родственников не совсем потерянный?

О, как.

Впрочем, стоит ли удивляться переходу к конкретным личностям, когда всё произошедшее в последние дни крепко завязано именно на них.

Царевы.

Гнить им в аду. И тому, кто биологически является мне дедом по материнской линии, а фактически никем. И той, кто никогда не был настоящей сестрой, и, наверное, не мог ей быть, так как правильные родственные установки в ее голове не заложены.

– Может, и не потерянный, – произношу, глядя мужчине в глаза, – но моё отношение к родственникам никак не влияет на моё отношение к вашему, – делаю паузу, подбирая более верное слово, – начальнику? Другу?

Последнее добавляю чисто интуитивно, но почему-то не сомневаюсь, что угадываю.

Губы безопасника на долю секунды поджимаются.

– И всё же, Катя, вы приняли решение остаться здесь, в доме Захара, а не попадать в лапы Царевых.

– Верно. Но тут всё просто и понятно, – пожимаю плечами, не видя желания юлить, – из двух зол я выбрала наименьшее.

– Двух зол... – повторяет Нилов задумчиво, потирая костяшками пальцев подбородок. – Да, пожалуй, с вашей точки зрения всё выглядит именно так.

– А с вашей? – усмехаюсь. – Иначе? Или для вас изнасилование – это не зло, а норма?

Последняя фраза все же вырывает из меня эмоции, звучит резче и звонче. В горле першит. Откашливаюсь и прикусываю нижнюю губу, стараясь взять себя в руки.

– Воды? – не дожидаясь ответа, безопасник поднимается на ноги, проходит к бару, достает бутылку боржоми, вскрывает и наполняет высокий узкий стакан. – Держите, – протягивает мне, возвращаясь.

Благодарю кивком. Делаю несколько небольших глотков. Отставляю на столик.

– Нет, не норма, – серьезно произносит Нилов, встречая мой взгляд. – Но ситуации бывают разные. В конкретно вашей Захар совершил ошибку.

– В конкретно моей... – повторяю задумчиво. – То есть, будь на моем месте Кристина, и насилие не являлось бы злом? Так, получается? В этом случае вы бы Дорохова оправдали?

До сих пор всё черное для меня было истинно черным, белое – белым, никак по-другому. Оправдывать жестокость – значит, смешивать противоборствующие цвета, создавать оттенки, допускать их возможность и даже... принимать.

– Да.

Моргаю, непонимающе смотря на мужчину напротив.

– Да – на все ваши вопросы, – произносит он, четко разделяя слова. Цепляет мой взгляд своим, удерживает, не позволяя отвернуться. Добавляет жестко. – Не нужно, Катя, заблуждаться на мой счет. Я такой же, как Захар. Врагов не щажу. Жизнь научила, что зачастую мило-

сердце идет во вред. Враг, оставленный за спиной, всё тот же враг. Больше подобных ошибок я не совершаю.

Больше?

Оговорка или... точно нет.

– Но...

– Что касается Царевой, – перебивает, чеканя слова, – лично я не ограничился бы поступком Захара. Я бы пошел с этой тварью до конца. Придушил к чёрту.

Ничего себе.

Жёстко. Но правдиво.

Настолько правдиво, что я верю. Смотрю в его глаза, холодные и равнодушные в эту секунду, и верю.

Сделал бы. И не жалел. Ни минуты.

В голове мелькает смутная мысль, цепляю ее за хвост и, поддаваясь небывалой смелости, озвучиваю:

– Сестра Дорохова. Вы ее любили?

Замолкаю и замираю.

Вряд ли ответит. Мы – чужие друг другу люди, и речь изначально велась об ином, а тут резкий переход на личное и...

Разве ж он подпустит ближе?

Удивительно, но подпускает.

– Не как женщину, Катя. Как сестренку – да. Младшую, выросшую на моих глазах и любимую до одури. Ласковую, нежную девочку, умеющую бескорыстно заботиться о других и смеяться так заразительно, что непроизвольно сам улыбаешься. Открытую, честную, светлую, как лучик солнца.

Взгляд Нилова затуманивается, голос смягчается, наполняясь эмоциями, крошится.

Я так остро и ярко представляю незнакомую мне девушку, что до боли сжимаю кулаки, лишь бы не разреветься. Почему-то озвученное проникает глубоко в сердце, не давая и шанса остаться равнодушной.

Задевает, берedit раны, вскрывает надрыв.

Мне жаль. Безумно жаль.

Теперь уже не только на словах. Внутри болит от несправедливости. За нее, такую нужную и любимую близкими и родными. И, как ни странно, за себя, одинокую и никому ненужную.

Непроизвольно меняю нас с незнакомкой местами и где-то глубоко-глубоко внутри, в темной, скрытой ото всех части души, всего на секунду представляю, что за меня тоже мстят. Зло, бесчеловечно, но считая это правильным, заслуженным. И испытываю странное чувство раздвоенности.

Насилие – всё так же остается ничем иным, как насилием. Но я впервые допускаю месть. Месть за любимого человека.

Допускаю и теряюсь.

Белое внутри меня подергивается серой рябью.

Черное в облике Дорохова впервые пропускает крохотную, едва заметную светлую искорку.

Глава 15

ЗАХАР

Переговоры с иностранными коллегами длятся с раннего утра и до позднего вечера. Выматывают почище оголодавшей любовницы, но вместе с тем дают мощнейший заряд энергии. Ведь я точно знаю, ради чего стараюсь.

Полгода плотной работы, перелетов, обсуждений, разговоров, договоров, и я почти у цели. Совместный российско-китайский проект по добыче и переработке угля в Восточной Сибири, напрямую затрагивающий интересы важных людей на правительственном уровне, вот-вот будет подписан.

Масштабный по объемам добычи и финансовым вложениям, он не только привлечет в страну огромные иностранные инвестиции и технологии, но и откроет передо мной новые горизонты в бизнесе, вытолкнет меня из общего ряда предпринимателей добывающей промышленности на совершенно иной, высокий уровень.

Уровень, при котором моя фигура станет значима настолько, что мне не потребуются лавировать окольными путями, отбиваясь от вставляющих палки в колеса прихлебателей Царева, а чтобы его прижучить, достаточно будет лишь шепнуть пару слов нужным людям.

Один намек – и эту гниду мои доброжелатели с удовольствием преподнесут мне на блюде с голубой каемочкой.

И я не постесняюсь, шепну.

Получу гадину в свои руки, а после раздавлю.

Жестко и жестоко.

Но сначала дело. И ради него я здесь.

Осталось дожидаться, когда у второй стороны пройдут окончательные согласования на всех уровнях, когда наши и их юристы утрясут последние мелочи, разночтения и нюансы и, учтя все правки, «причешут» пакеты документов до идеальности, а после мы с главой китайской корпорации поставим свои подписи под итоговым соглашением о партнёрстве.

Дослушав последний на сегодня доклад и дав указания, на что обратить внимание, а что отредактировать, чтобы избежать двоякости трактования, наконец, всех отпускаю.

Уходят. Кто-то, не скрывая облегчения и стирая пот со лба. Кто-то, продолжая дискутировать и черкать карандашом в документах.

Усмехнувшись, провожаю их спины взглядом. Отвлекает входящее на телефон сообщение. Стас. Прислал видео.

Любопытство, что там такое он скинул, явно ж не дурь из тик-тока, заставляет занести палец над записью, но краем глаза цепляю движение и вскидываю голову.

Татьяна. Правая рука назначенного мною здесь, в Новосибирске, управленца. Грамотная финансистка и по совместительству амбициозная стерва, готовая по головам ступать ради собственной выгоды и ноги раздвигать ради неё же.

Стас окучивал ее пару раз, когда мы вместе прилетали. Да и почему нет, если он – мужик молодой и свободный, а Хомякова сама себя активно предлагала, выпрыгивая из трусов по первому щелчку пальцев?

Татьяна плотно прикрывает за остальными сотрудниками дверь, разворачивается и плавной походкой пантеры возвращается ко мне.

– Что у тебя? – откидываюсь на спинку кресла, откровенно ее рассматривая.

– Захар Тимурович, я хотела бы уточнить один момент...

Приближается, огибая стол, но на полпути «случайно» теряет ручку и, притормозив, наклоняется за ней. Плавно изгибается, эротично выпячивая подтянутый зад, а заодно демонстрируя мне пышную четверочку в глубоком декольте.

Криво усмехнувшись, рассматриваю предлагаемый товар.

Красивая, яркая, раскованная и явно умелая. Губы пухлые, подкачанные, зато грудь и задница, кажись, натуральные. Знает, как выгодно себя подать, как встать, как нагнуться, как завести мужика...

Ебательная, в целом...

Но послание Нилова манит сильнее. Тем более, почти сразу за видео-сообщением приходит текстовое.

Читаю.

«Если решишься, вот номер контакта...»

Дальше одиннадцать цифр.

Чьего контакта?

Заинтересовал, зараза.

И явно это осознает. Не зря ж не утихает, а следом шлет подмигивающий и ухмыляющийся смайлики.

– Так что ты там хотела? – зависая в гаджете, мельком смотрю на выпрямившуюся Татьяну.

– Э-э-э... пригласить вас на ужин... деловой... – опускает глазки, кокетничая. – А после на неделовой...

– А у нас для делового есть повод?

Хмурю брови, игнорируя вторую часть.

Зазывно улыбнувшись, наклоняет голову, позволяя медной гриве волос скользнуть на грудь.

– Ну что вы, Захар Тимурович? Нет, конечно. Мы отлично справляемся, – заверяет с придыханием. – Да и вы, уверена, в курсе. Московская команда еженедельно мониторит наши показатели...

Верно. Мониторит.

– Тогда в чём проблема? – подаюсь вперед.

– Мне хотелось бы лично рассказать вам обо всём, чего мы сумели достигнуть, – облизывает пухлые губы, заставляя следить за юрким кончиком языка. – И показать.

Показать?

И, наверное, дать опробовать.

Да просто дать.

Глумлюсь в глубине души.

Нет, я не по пояс деревянный и ещё недавно вполне вероятно включился бы в её игру. Поддался провокации, позволив меня завести, а после забрал себе контроль, и показал, кто здесь кто.

Сейчас же...

Поднимаюсь из кресла, обхожу стол и приближаюсь к ней. Нагло вклиниваюсь в личное пространство и нависаю, удерживая взгляд.

Улыбается довольно, считая, что смогла уболтать. Делает шаг, вжимаясь упругой четверкой в лацканы моего пиджака, запрокидывает голову.

– Захар...

– Татьяна... – перебиваю, непроизвольно морща нос от резкого аромата ее духов. Не нравится он мне. – Ты помнишь свои профессиональные обязанности? Или подзабыла, зачем устраивалась ко мне на работу?

Моргает.

В красивых глазах мелькает растерянность.

– Н-не поняла...

Жаль.

Хотя вру. Не жаль.

Ни капли.

– Если не поняла, поясняю. Есть желание переквалифицироваться в шлюхи, только намекни. Отпущу с миром и даже протекцию составлю. Уяснила?

– Но... я... нет. Не хочу, – краснеет, белеет и снова краснеет. – И уяснила.

– Точно?

Приподнимаю бровь.

– Да. Да.

Мелко часто кивает, отступая к двери.

– Смотри, Татьяна. Второго предупреждения не будет. Уволю, – награждаю обещанием и киваю в сторону выхода. – Свободна.

Уносится, звонко цокая каблуками, но дверь прикрывает практически беззвучно.

Возвращаюсь к столу, собираясь сесть в кресло и уделить внимание видео, к которому буквально тянутся руки. Но притормаживаю.

Активирую экран, смотрю на продолжительность записи – больше получаса – и хватаю со стола брелок от машины.

В номере гостиницы посмотрю.

Глава 16

ЗАХАР

Плескаю в низкий широкий бокал коньяк, ослабляю галстук и опускаюсь в кресло. Поднимаю крышку ноутбука, запускаю браузер. Все мои мессенджеры давно синхронизированы в гаджете и на ПК, так как зачастую требуется не столько обмен короткими сообщениями, сколько пересылка разного рода документов.

Нахожу контакт Стаса, запускаю видеоролик и, взяв в руку бокал, устраиваюсь поудобнее. Однако, почти сразу забываю про градусный напиток, впиваясь взглядом в бледное лицо Екатерины.

Нилов приглашает ее в кабинет, и девушка, сама того не ведая, выбирает место как раз напротив камеры, с которой ведется съемка.

Нет, то, что камеры в моем кабинете есть – для меня не новость. Как и то, что запись ведется круглосуточно и доступна лишь мне и Стасу.

Сам велел установить аппаратуру еще лет пять назад, когда некоторые важные вопросы требовалось решать за закрытыми дверями, не выходя из дома, и для подстраховки, а иногда и устрашения, иметь их визуальное подтверждение. К тому же сейф внутри хранит не филькины грамоты, а такой важности документы, что лишняя мера безопасности совсем не является лишней.

Меня удивляет поступок моего начбеса. Точнее, его желание ввести меня в курс дела, как обстоят дела с Ионовой.

Как будто я не понимаю, что девочке плохо.

Отлично понимаю. И физическое ее состояние, и душевное.

Как ее ломает, что она живет в доме надругавшегося над ней человека. Как старается постоянно держаться начеку, потому что, когда предают свои, доверять чужакам двойне сложно и страшно. Как мечется в мыслях, стараясь найти самый приемлемый для себя выход, выскочить из мышеловки, созданной родственниками, и не находит. Как каждую минуту борется с самой собой – загоняет страх глубоко внутрь и смотрит на окружающих с гордо поднятой головой, на равных.

Сильная девочка, хоть с виду и хрупкая.

Стойкая, несмотря на удары судьбы.

Осторожная, что диву даешься зрелости, мелькающей в ее печальных глазах.

А еще умная, в противовес всем анекдотам про блондинок.

Удивительно умная, потому что, общаясь с Ниловым, образно говоря, не просто держит удар, она его, опытного безопасника, прошедшего вместе со мной огонь, воду, медные трубы и сожравшего не один пуд дерьма, удивляет.

Лихо.

Ясно, чего он раздухарился. Не просто выполнил мои распоряжения относительно гостей, но и прислал, так сказать, видеоотчёт встречи.

Прифигел мужик.

Конкретно.

Впрочем, я сам замираю, впиваясь немигающим взглядом в экран, когда Катя, чуть прищурив миндалевидные глаза, напрямую интересуется у Нилова, любил ли он мою сестру.

Даже я, его друг, не лез к нему в душу так глубоко и напролом, одним ударом-вопросом снося границы, врываясь в личное.

Она же отважилась.

И не отвела взгляд, выслушивая ответ. Лишь губу нижнюю прикусила, что-то в своей умной головке обдумывая, а после кивнула.

Не Стасу, самой себе.

Будто очередное какое-то важное решение приняла.

– Катя, а вы с Кристиной всегда были похожи, как сестры-близнецы?

– В детстве – очень. Одно лицо, один цвет волос, одинаковые стрижки. Мама нам и платье покупала схожие, чтобы ни одну не обделить заботой. В юности мы стали различаться. В Крестину в те годы, похоже, вселился бунтарский дух и желание делать всё наперекор, она перекрасилась в брюнетку, проколола пирсинг – нос, язык, уши, подстриглась под мальчика и завела друзей-байкеров. Бабушку, когда она к нам однажды в своей байкерской экипировке приехала, чуть удар не хватил, но та ни слова не сказала против. Боялась, что иначе вторая внучка, столь редкий гость, совсем их, стариков, забудет.

– А когда вновь восстановили общение, рассмотрели ее по видеосвязи, не удивились, что Царева опять стала вашей копией?

– Нет. Мы очень долго не поддерживали связь. Я не знаю, какой она была пять лет назад, три года и даже год. Может, давно вернулась в блондинку. Уверена, вы в курсе, что она сама разыскала меня меньше месяца назад.

– Да, в курсе...

Катя и Стас продолжают диалог, а я, откинувшись на спинку кресла, внимательно слежу за мимикой Ионовой.

О Царевой она говорит неспешно и ровно, не мнет нервными пальцами края толстовки, не бегают глазами, ища, за что можно зацепиться, не проглатывает окончания, выдавая смятение или желание что-то утаить. Но и без желания. Не то тема, не то обсуждаемая личность ей не нравятся. Хотя, вполне вероятно, обе.

Ненадолго отвернувшись от экрана, тянусь за пачкой сигарет и пепельницей, прикуриваю. Делаю глубокую затяжку, выпускаю дым. Вновь смотрю в монитор.

Катя сидит все в той же позе. Серьезная, собранная.

Чуть сильнее уставшая.

Не ожидая от себя, дергаю мышкой, чтобы проявилась полоса, отражающая остаток времени записи, и со странной толикой облегчения замечаю, что до финала уже немного.

Нет. Я не притомился смотреть.

Но девочка устала.

Она ничем не выдает напряжения, но я его как-то чувствую. Может, по едва напрягшейся челюсти, или по чуть выше приподнятому подбородку, а может, чаще запорхавшим ресницам. Не знаю.

– Екатерина, Захар просил передать, чтобы вы составили список необходимых вам здесь вещей. Одежда, обувь, средства гигиены, иные мелочи. Может, что-то конкретное нужно привезти из дома?

– Вы собираетесь побывать в моей квартире или уже там были?

Вот теперь девочка злится, но идеально это скрывает.

Почти идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.